



© 2015 г.

Вестник древней истории
2015, № 2, с. 243–268

ΑΝΤΙΦΩΝΤΟΣ ΛΟΓΟΙ

АНТИФОНТ РЕЧИ

Перевод с древнегреческого и комментарий *И.Е. Сурикова**

IV. ТРЕТЬЯ ТЕТРАЛОГИЯ

Последняя из «Тетралогий» – самая короткая; тем не менее именно с ней связано наибольшее количество спорных проблем. Сюжет вымышленного здесь Антифонтом судебного процесса следующий. Два человека, молодой и пожилой, поссорились и вступили в драку. В ее ходе старик получил серьезные травмы, от которых через некоторое время скончался. Его родственники обвиняют молодого человека в умышленном убийстве. Тот строит свою защиту на двух пунктах. Во-первых, по его словам, зачинщиком драки был старик (под влиянием алкогольного опьянения), сам же он лишь оборонялся и, следовательно, невиновен. Во-вторых, он утверждает, что смерть в действительности наступила не от его ударов, а из-за того, что впоследствии пострадавшего плохо лечил врач, которого, стало быть, и следует признать истинным убийцей. Этот довод сторона обвинения парирует ссылкой на правовую норму, согласно которой в таких случаях врач является неподсудным (см. ниже).

В каком афинском суде проходил бы этот процесс, если бы он имел место на самом деле? Традиционно считается, что в Дельфинии¹, ибо обвиняемый не отрицает своей при-

Продолжение. Начало см. ВДИ. 2015. № 1. С. 228–253.

Суриков Игорь Евгеньевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, главный научный сотрудник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Igor E. Surikov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (isurikov@mail.ru).

* Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках проекта 12-01-00005а «Научный комментированный перевод корпуса речей оратора Антифонта».

¹ Например: Carawan 1998, 201.

частности к делу, но говорит, что при этом закон с его стороны не был нарушен. К категории разбивавшихся в Дельфинии оправданных (дозволенных) убийств, не влекших за собой ответственности, относились²: убийство при самообороне против грабителя; убийство лица, участвующего в перевороте с целью свержения демократии или занимающего государственную должность после такого свержения; убийство ночного вора; случайное убийство во время спортивных состязаний; случайное же убийство согражданина на войне; убийство любовника жены, пойманного *in flagrante*; смерть, наступившая в результате лечения (врач считался свободным от вины).

В результате получается красивая, стройная картина: три «Тетралогии» – три разных вида убийства – три различных судебных органа. Однако М. Гагариным подобный ход мысли был оспорен³. По мнению исследователя, нет серьезных оснований относить рассматриваемый случай к категории оправданных убийств. Да, обвиняемый ссылается на то, что действовал в порядке самообороны; однако не всякая самооборона подпадала под данную категорию, а только самооборона при нападении грабителя, а тут ни о каком грабеже речь не шла, просто случилась пьяная драка. Далее, хотя в тексте речи и фигурирует врач, по чьей оплошности умер человек (еще один тип оправданного убийства), но сам этот врач участником процесса не является, и судят не его.

С чисто формальной точки зрения М. Гагарин, допускаем, вполне прав. Но формалистический подход вряд ли конструктивен применительно к произведению, которое не является реально произнесенной судебной речью (такая речь всегда представляет собой не только нарративный источник, но и в известном смысле документ, и критерии ее исследования должны быть соответствующими), а лишь имитирует таковую. Сам же Гагарин в другом месте своей книги – там, где отстаивает авторство Антифонта для «Тетралогий»⁴, – совершенно справедливо указывает, что в сочинении подобного рода пишущий мог дать полную волю полету своей фантазии, придумать законы, какие ему заблагорассудится, – в частности, те, которые наилучшим образом помогали бы развивать наиболее интересные для него тогда мысли. В сущности, Афины «Тетралогий» – это весьма условные Афины, это скорее некий «Софистополь», как выражается Гагарин, – абстрактное общество, где живут не люди, а идеи и аргументы. В этом «Софистополе» нет ни Ареопага, ни Палладия, ни Дельфиния... Кстати, названия этих трех судов и не упоминаются в «Тетралогиях». Так какой же смысл рассуждать, какой из них слушал бы дело, которого вообще не было, которое было создано воображением Антифонта?

Одним словом, мы продолжаем придерживаться того мнения, что наш оратор имел-таки красивый, просто роскошный замысел – осветить в трех частях своего труда три вида убийств – и претворил этот замысел в жизнь.

А. Обвинительная речь по делу об убийстве, против человека, утверждающего, что он оборонялся

Содержание

Молодой и старик из-за ссоры набросились друг на друга и дрались; молодой ударил сильнее, и старик умер. И в связи с этим случаем некто обвиняет молодого в том, что он совершил убийство. А тот заявляет, что старик первым несправедливо начал рукоприкладство. Таким образом, статус речи – встречное обвинение.

1. Правильно установлено, чтобы люди, возбуждающие иски об убийствах, особенно старались обвинять и свидетельствовать согласно со справедливостью, и виновных не от-

² Почти исчерпывающий перечень см. Bonner, Smith 1938, 203.

³ Gagarin 2002. 106; Antiphon and Andocides 1998, 40.

⁴ Gagarin 2002, 52 ff. Ср.: Eucken 1996 (весьма схожие рассуждения).

пуская, и против неповинных суд не затевая. 2. Ведь и бог, желая создать человеческий род, сотворил первых из нас и дал им кормилицами⁵ землю и море, чтобы от недостатка вещей необходимых мы не умирали прежде времени, не достигнув срока кончины от старости. Вот так-то богом была оценена наша жизнь! Значит, каждый, кто незаконно кого-нибудь убивает, совершает кощунство по отношению к богам, а человеческие законы нарушает. 3. Ведь и умерший, будучи лишен того, что бог ему дал, по всей вероятности, оставляет после себя – в качестве божеской мести – злобу духов-мстителей⁶. Те, кто судит или свидетельствует вопреки справедливости, тем самым разделяя кощунство с преступником, вносят не относящуюся к ним скверну в собственные дома. 4. И мы, мстители за убитых, в случае, если станем преследовать невиновных из-за какой-нибудь другой вражды, а за мертвого мстить не станем, сами окажемся жертвами страшных духов-мстителей, заступающихся за мертвых. С другой стороны, несправедливо добившись смерти людей, чистых от преступления, мы будем, как виновные в убийстве, подлежать наказаниям: ведь мы и вас убедим поступить противозаконно, и станем виновниками вашей ошибки⁷. 5. Итак, я, боясь перечисленного и приведя к вам нечестивца⁸, остаюсь чистым от упреков. А вы, в согласии с вышесказанным, позаботьтесь об этом суде: назначьте совершившему преступление наказание, достойное страдания жертвы⁹. Так вы сделаете весь город чистым от скверны. 6. Ведь, если бы он убил человека неумышленно, он был бы достоин некоторого снисхождения. Но он же в пьяном виде, нагло и бесчинно набросился на старого человека, бил его и душил, пока тот не испустил дух! Как убийца он подлежит наказаниям, положенным за убийство, а поскольку он нарушил все обычаи, касающиеся старших, по отношению к нему будет справедливо не упустить ни одну из кар, которым подвергаются такие люди. 7. Итак, закон справедливо предает его вам для отщипки; а свидетелей, присутствовавших, когда он бесчинствовал в пьяном виде, вы уже выслушали¹⁰. Вам же следует, и оплачивая за незаконно причиненные страдания, и наказывая наглость соразмерно вине, взамен отобрать у него душу, замыслившую убийство.

⁵ Именно «кормилицами», поскольку в древнегреческом море (θάλασσα) женского рода, как и земля. В издании Бласса–Тальхейма тут добавлено еще «и спасительницами», но только на том основании, что в одной из рукописей имеются следы стертого союза καί. Не думаем, что это достаточная причина произвольно добавлять отсутствующее в оригинале слово.

⁶ В этой «Тетралогии», как и в остальных, силен религиозный оттенок, выражающийся в частых упоминаниях духов-мстителей, скверны, появляющейся в результате убийства, и т.п.

⁷ Строго говоря, это была бы судебная ошибка, и в таких случаях, согласно нашим современным воззрениям, в вынесении несправедливого приговора виновен суд. Однако в античных греческих полисах вопрос так не ставился. Судьи – воплощение народа, а народ виновен быть не может. Соответственно, вина ложится на того, кому принадлежала инициатива, т.е. на обвинителя. Аналогичным образом обстояло дело и в политической жизни. Так, в случае принятия народным собранием противозаконного постановления процесс *γραφή παρανόμων* возбуждался против политика, внесшего его проект.

⁸ Вообще говоря, убийство (φόνος) и нечестие (ἀσέβεια) были совершенно разными преступлениями, против которых возбуждались и иски различного типа, причем при убийстве – частный (δίκη), а при нечестии – публичный (γραφή). Говорящий их сознательно смешивает, поскольку ему, при его акценте на религиозных последствиях убийства, просто выгодно это делать.

⁹ Неясен вопрос, в каком афинском суде слушалось бы это вымышленное дело: в Ареопаге или в Дельфинии. В последнем судилище коллегия эфетов разбирала дела в случае, если обвиняемый утверждал, что совершенное им убийство – из категории оправданных, неподсудных. Большинство исследователей считает, что тут перед нами именно такой случай (мы придерживаемся того же мнения): обвиняемый, как увидим ниже, утверждает, что он оборонялся против напавшего первым (убийство при самообороне считалось неподсудным), а также что смерть наступила, собственно, не от его ударов, а в результате того, что избитого потом плохо лечил врач (врачи, согласно тому же закону, не несли ответственности за смерть пациентов). Иного мнения придерживается М. Гагарин (Gagarin 2002, 106; Antiphon and Andocides 1998, 40), но он в меньшинстве.

¹⁰ Вопреки обыкновению, в речи не указаны места, где оглашались свидетельские показания. Впрочем, не будем забывать, что речь фиктивна и никогда не произносилась в суде.

В. Защитительная речь по делу об убийстве – о том, что обвиняемый совершил его, обороняясь

Содержание

Статусом речи является перенесение: ведь говорящий переносит вину за убийство на врача, лечившего жертву¹¹. То же, что относится к встречному обвинению, он привлек в качестве сопутствующего довода.

1. Что слова этих людей были краткими¹² – тут я им не удивляюсь: самим-то им не грозит опасность как-нибудь пострадать, они могут только меня погубить – несправедливо, по вражде. А вот что они хотели уравнивать это дело с величайшими преступлениями, хотя погибший сам виновен, причем больше, чем я, – тут, полагаю, мое негодование естественно. Ведь он первым несправедливо начал рукоприкладство и в пьяном виде обижал человека, ведшего себя гораздо более сдержанно; значит, он стал виновником не только собственного несчастья, но и того обвинения, которое теперь на меня возводится. 2. Итак, я, со своей стороны, считаю, что те, кто меня обвиняет, поступают и несправедливо, и не благочестиво. Ибо тому, кто начал драку, я не причинил бы¹³ несправедливости, даже если бы оборонялся от него железом, камнем или деревом: ведь тем, кто начинает, справедливо в ответ пострадать не так же, а больше и сильнее¹⁴. Но он меня бил руками, и я, как от рук пострадал, так руками же и ответил; разве это несправедливо? 3. Ну, пусть так; скажет же обвинитель: «Но закон, запрещающий убивать и справедливо, и несправедливо¹⁵, показывает, что ты подпадаешь под наказание за убийство: ведь человек-то мертв». А я во второй и в третий раз говорю, что не убивал. Ибо если бы человек от ударов тотчас скончался, тогда он погиб бы от моей руки – да и то по справедливости: тем, кто начинает, справедливо в ответ пострадать не так же, а больше и сильнее. 4. А на самом-то деле он умер много дней спустя, препорученный негодному врачу, и именно из-за негодности этого врача, а не от ударов. Ведь другие врачи предсказывали ему: если он будет так лечиться, как тот ему предписал, то он погибнет, хотя болезнь его излечима. Он был погублен вами – его советниками¹⁶ – и тем навлек на меня нечестивое обвинение. 5. Оправдывает меня и сам закон, согласно которому меня преследуют. Ведь он предписывает, чтобы убийцей считался тот, кто замыслил убийство. Итак, каким образом возможно, чтобы я замыслил убийство этого человека, а он при этом не замышлял мое убийство? Я защищался от него теми же средствами, делая то же самое, что и сам претерпевал; ясно, что если я что-то против него замышлял, то и он против меня замышлял то же самое. 6. Если же кто-нибудь, полагая, что смерть наступила из-за драки, считает меня убийцей этого человека, нужно учесть, что, поскольку он сам начал, случившаяся драка его делает виновником собственной смерти, а не меня: я не оборонялся бы, если бы он меня не бил. Итак, я оправдан и законом¹⁷, и самим зачинщиком драки! Я никаким образом не являюсь его убийцей; а умерший, если он погиб в результате несчастного случая, сам же в этом несчастном случае и виноват – он его вызвал, поскольку начал драку.

¹¹ Это мнение анонимного позднеантичного комментатора верно лишь отчасти. См. сам текст речи.

¹² Обвинительная речь действительно чуть короче, чем обычно, хотя все-таки не идет в этом отношении в сравнение с первой обвинительной речью второй «Тетралогии».

¹³ Оправдано добавление здесь частицы ἔν в издании Бласса–Тальхейма.

¹⁴ Как бы в отместку за агрессию.

¹⁵ Упоминание этого не существовавшего в Афинах закона мы уже встречали во второй «Тетралогии».

¹⁶ В данном случае второе лицо относится не к судьям, как обычно, а к обвинителям.

¹⁷ Слова «и законом» согласно добавляются издателями, и с полным резонном. В тексте осталась частица τε, что однозначно говорит о выпадении слов.

А если он погиб из-за неосторожности, – его собственная неосторожность погубила его: не от большого ума он бросился меня бить¹⁸.

7. Что меня обвиняют не по справедливости, я показал; но хочу и доказать, что сами мои обвинители причастны всем тем вещам, в которых они меня обвиняют. Ведь я чист от вины, а они приписывают мне убийство, хотят лишить меня жизни, которую бог мне дал¹⁹; таким образом, они совершают кощунство против бога. А несправедливо замышляя мне смерть, они и законы нарушают, и моими убийцами становятся. Убеждая вас нечестиво убить меня, они сами являются убийцами и вашего благочестия!

8. Так пусть же бог наложит на них наказание; а вам следует желать оправдать меня, а не осудить, – из заботы о ваших собственных делах. Ибо, допустим, вы меня несправедливо оправдаете, и я избегну наказания – из-за того, что вам неверно изложили дело; тем самым я обращаю мстящий дух умершего именно на того, кто вам его неверно изложил²⁰, а не на вас. Но если вы меня неправильно осудите – я навлеку гнев враждебного духа на вас, а не на этого человек²¹! 9. Итак, зная это, возложите на обвинителей это нечестие, а сами оставайтесь чистыми от вины. Оправдайте меня – это будет благочестиво и справедливо. Ведь таким образом мы, все граждане, сможем стать наиболее чистыми.

Г. Вторая обвинительная речь

Содержание

В этой речи говорящий заявляет: неправдоподобно, чтобы человек более старый несправедливо начал рукоприкладство. Затем он утверждает: даже если так оно и есть, тот, кто обороняется так, что это приводит к смерти противника, должен нести ответственность. А о враче он говорит, что тот совершил ошибку по неопытности, но наказанию не подлежит.

1. Я не удивляюсь, что этот человек, совершивший нечестивые дела, и говорит подобное тому, что он сделал; но и вас я понимаю – вы хотите в точности узнать, что случилось, а вынуждены выслушивать от него то, что достойно быть просто отброшенным. Ведь он признает, что наносил человеку удары, от которых тот умер²², но говорит, что сам он, дескать, не убийца умершего; нет, он, будучи живым и зрячим, нас, мстителей за жертву, объявляет убийцами! Я хочу показать вам, что и остальное в его защитительной речи – в подобном же духе.

2. Прежде всего он сказал, что он, мол, не убивал человека, даже если тот и скончался от побоев. Дескать, виновником происшедшего является зачинщик драки, и его следует осудить согласно закону; а начал драку умерший. А вы, со своей стороны, учтите: более вероятно, что драки начинают и бесчинствуют в пьяном виде те, кто моложе, а не те, кто старше. Ведь первых и гордость своим происхождением, и расцвет сил, и неопытность в питье побуждают поддаваться гневу; а вторых делают спокойными и опытность в употреблении вина, и старческая немощь, и страх перед силой молодых²³. 3. А что он оборо-

¹⁸ Имеется в виду, что зачинщик, человек пожилой, под воздействием опьянения начал драку с человеком более молодым и сильным, так что заведомо подвергался опасности.

¹⁹ Аллюзия на начало первой обвинительной речи. Обвиняемый пытается обратить доводы противников против них же самих.

²⁰ Говорящий не конкретизирует, кто именно имеется в виду. Но, в общем-то, это не кто иной, как он сам.

²¹ «Этот человек» – обвинитель. Выходит, что обвиняемый не согласен со своим противником и по вопросу о том, на кого падает скверна убийства в случае несправедливого приговора суда. По мнению говорящего, в такой ситуации оскверненными и подлежащими гневу духа мстителя оказываются судьи, а не обвинитель.

²² Искажение позиции обвиняемого: тот, как мы видели, не признает, что причиной смерти стали его удары.

²³ Приводится весьма характерный аргумент (топос) «от правдоподобия» (похожий, хотя и не тождественный упоминается Аристотелем – Rhet. II. 1402a17 sqq.), даже несмотря на то что он противоречит фактам.

нялся не теми же средствами, а прямо противоположными – на это указывает само дело. Ведь он совершил убийство, пользуясь расцветом своей физической силы; а его жертва погибла, будучи не в состоянии обороняться от более сильного человека, и не оставила никаких признаков, что она оборонялась²⁴. А насчет того, что он убил руками, а не железом: поскольку руки принадлежат ему в большей степени, чем железо, он тем самым в еще большей степени является убийцей²⁵. 4. Он же дерзнул сказать, что якобы убийцей является не столько убивший, сколько начавший драку, хоть и не погубивший; этого последнего он объявляет замыслившим смерть. А я говорю совершенно противоположное. Ведь если руки у каждого из нас исполняют то, что мы задумываем, то ударивший, но не убивший, оказывается замыслившим лишь удар, а вот тот, кто ударом убил, оказывается замыслившим смерть. Ибо человек умер от тех действий, которые задумал обвиняемый. Для ударившего это неудача, а для пострадавшего – несчастье. Ведь человек, погубленный действиями обвиняемого, умер не из-за своей собственной ошибки, а из-за ошибки ударившего. А тот сделал больше того, что хотел, и из-за собственной неудачи убил того, кого не хотел убивать. 5. Далее, он утверждает, что его жертва умерла из-за врача; но я удивляюсь, что, по его словам, это мы²⁶ погубили человека, посоветовав ему лечиться. А если бы мы не верили его врачу, обвиняемый сказал бы, что гибель произошла из-за отсутствия лечения. И, право, даже если человек умер из-за врача, – хотя это не так, – врач не является его убийцей: ведь закон оправдывает врача²⁷. К тому же мы препоручили его врачу именно из-за побоев, нанесенных обвиняемым; так как же может считаться убийцей кто-то другой, а не тот, кто принудил нас обратиться к врачу?

6. Итак, ясно и любыми способами изобличается, что обвиняемый убил человека. Но он дошел до такой дерзости и бесстыдства, что ему кажется недостаточным оправдывать собственное кощунство: нет, он и нас, желающих наказать его скверну, обвиняет в незаконных и нечестивых действиях! 7. Ему-то, совершившему такие дела, пристало говорить подобные вещи и даже еще более ужасные. А мы ясно показали обстоятельства смерти – побои, которые все признают и от которых человек скончался, – привели и закон, объявляющий убийцей того, кто нанес удар. Мы просим вас за умершего: убийством этого человека отвратите гнев мстящих духов и сделайте весь город чистым от скверны!

Δ. Вторая защитительная речь

1. Обвиняемый ушел в изгнание²⁸ – не потому, что сам признал себя виновным, а из страха перед упорством обвинителей. Для нас же, друзей его, высший долг благочестия – помогать ему живому, а не мертвому. Конечно, лучше всего было бы, если бы он сам себя защищал; но коль скоро он счел, что удалиться будет безопаснее, следует защищать его нам, – ведь для нас величайшим горем было бы потерять его.

2. Мне кажется, что виновник обиды – тот, кто начал драку. Обвинитель, пользуясь неподходящими аргументами, заявляет, что ее начал обвиняемый. Если бы «молодые люди

²⁴ То есть обвиняемый не получил в драке каких-либо серьезных повреждений от руки убитого.

²⁵ Чисто софистический аргумент (как и приводимый в следующем параграфе).

²⁶ В издании Бласса–Гальхейма здесь атетировано οὐκ и, видимо, справедливо. Жерне эту отрицательную частицу сохраняет, что, однако, дает менее удовлетворительный смысл.

²⁷ То есть, если человек умирал после лечения, против врача нельзя было возбудить какой бы то ни было судебный процесс по обвинению в убийстве.

²⁸ Согласно нормам аттического права, в ходе суда об убийстве обвиняемый мог после первой пары речей добровольно уйти в изгнание, дабы обезопасить себя от грозящей в случае осуждения казни. В данном случае обвиняемый воспользовался этой возможностью (вероятно, ощущая, что доводы его в целом слабы и что приговор, скорее всего, будет не в его пользу); соответственно, вторую защитительную речь говорит кто-то из его друзей. Налицо некая коллизия: возможно ли было продолжение процесса в такой ситуации, да и имело ли оно смысл? Впрочем, Антифонт, придумывая в «Тетралогиях» никогда не проходившие судебные процессы, был, разумеется, волен обставлять их какими угодно деталями.

наглы, а старики сдержанны»²⁹ было таким же законом природы, как «мы видим глазами, а слышим ушами», ваш суд вообще был бы не нужен: молодым выносил бы³⁰ обвинительный приговор сам их возраст. А на самом деле многие молодые люди сдержанны и многие старцы бесчинствуют в пьяном виде; так что этот довод на пользу обвинителю нимало не более, чем обвиняемому. 3. А поскольку этот довод является общим для нас и для него, в целом мы имеем преимущество: ведь свидетели говорят, что драку начал умерший³¹. Коль скоро же начал он, обвиняемый освобождается от вины и в отношении всех остальных обвинений. Ведь если уж человек, нанесший удар и тем самым вынудивший вас препоручить пострадавшего врачу, оказывается убийцей в большей степени, чем тот, кто убил его³², то убийцей является зачинщик драки. Ибо он принудил защищающегося отвечать ударом на удар, в результате чего жертве удара и пришлось обращаться к врачу. Обвиняемый может подвергнуться нечестивому обращению, если его объявят убийцей – вместо того, кто действительно убил, хотя сам он и не убивал, и вместо того, кто начал драку, хоть сам он ее и не начинал. 4. Обвиняемый является злоумышленником не в большей степени, чем обвинитель. Ведь если бы зачинщик драки намеревался ударить, но не убить, а защищающийся намеревался убить, – тогда он, может быть, был бы злоумышленником. Однако защищающийся тоже намеревался ударить не с целью убить, но ошибся и нанес удар туда, куда сам не хотел. 5. Да, он желал нанести удар; но как же он мог замысливать смерть, если он поразил противника против своей воли? Далее, проступок следует относить скорее на счет зачинщика, чем защищавшегося. Ведь последний совершил этот проступок под принуждением первого, стремясь отплатить ему тем же, что сам претерпел. Первый же и совершил и претерпел все из-за собственной необузданности; так что он, являясь виновником и своего проступка, и проступка другого человека, по справедливости должен быть признан убийцей. 6. Теперь покажу, что обвиняемый оборонялся не в большей степени, чем пострадал, а в гораздо меньшей. Нападавший совершил все из наглости и пьяного бесчинства, а отнюдь не обороняясь. Противник же его стремился только к тому, чтобы не пострадать, а отразить нападение; но он все же пострадал, причем вопреки своей воле, а то, что он сделал из желания избежать страданий, – это он сделал еще в меньшей степени, нежели заслуживал зачинщик. Он защищался и поэтому невиновен! 7. А если он, будучи сильнее физически, и оборонялся с большей силой по сравнению с теми побоями, которые претерпел, все равно несправедливо будет вам за это его наказать. Ведь на зачинщика повсюду налагаются большие наказания, обороняющемуся же нигде никакого наказания не полагается. 8. По вопросу же о том, что нельзя убивать ни справедливо, ни несправедливо³³, ответ уже дан: ведь человек умер не от побоев, а по вине врача, как подтверждают и свидетели. Несчастье это относится к зачинщику, а не к оборонявшемуся. Последний, совершив и претерпев все против своей воли, оказался подвержен чужому несчастью; а зачинщик, совершив все по своей воле, собственными делами навлек на себя несчастье и себе на беду согрешил.

9. Итак, показано, что обвиняемый не причастен ни к чему из того, в чем его обвиняют. Если же кто-нибудь считает, что и свершившееся дело, и несчастье являются общими для обоих участников, и на основании сказанного признает, что обвиняемый заслуживает оправдания не в большей степени, чем осуждения, – то и тогда справедливо оправдать его, а не осудить. Ведь несправедливо, чтобы обвинитель добился осуждения, раз он не показал ясно, что было совершено преступление; равным образом нечестиво, чтобы обвиняемый был осужден, раз он не был достоверно изобличен в том, в чем его обвиняют. 10. Таким-то

²⁹ Аристотель в «Риторике» принимает этот тезис как нечто само собой разумеющееся.

³⁰ Частица *ἔν*, добавляемая здесь в издании Жерне, выглядит вполне уместной.

³¹ Опровержение довода «от правдоподобия», прозвучавшего в предыдущей обвинительной речи. Прямые показания свидетелей в норме были, конечно, убедительнее, нежели размышления о том, как могло и должно было быть. Впрочем, в афинских судах, где эмоции значили не меньше, чем голос разума, все было возможно...

³² То есть врач.

³³ Апелляция к некоему вымышленному закону, упоминающемуся неоднократно в «Тетралогиях».

вот образом этот человек в любом отношении оправдан от обвинений: тем более благочестива наша просьба к вам за него – чтобы вы, стремясь наказать убийцу, не погубили невинного. Ведь, даже если вы его погубите, дух, мстящий виновникам, от этого не исчезнет³⁴; напротив, человек, нечестиво казненный вами, удвоит скверну духов-мстителей по отношению к убившим его. 11. Бойтесь этого и считайте своим долгом чистого от вины человека освободить от обвинения, а оскверненный пусть будет обнаружен со временем и наказан ближайшими родственниками убитого³⁵. Сделав так, вы поступите наиболее справедливым и благочестивым образом.

V. ОБ УБИЙСТВЕ ГЕРОДА

Точное время написания речи неизвестно. Предлагались датировки как максимально широкие (между 427 и 412 гг. до н.э.³⁶), так и более узкие (между 423 и 414 гг. до н.э.³⁷) и даже совсем конкретные (около 414 г. до н.э.³⁸, около 417 г. до н.э.³⁹). В любом случае наиболее вероятно, что она относится к первой половине – середине 410-х гг. до н.э.

Речь является самой большой по размеру из сохранившихся произведений Антифонта; согласно единодушному мнению специалистов (как античных, так и современных), она и в художественном отношении принадлежит к числу лучших творений нашего автора.

Речь является защитительной. Клиент Антифонта Евксифей (имя в самой речи не упоминается, но известно по независимым данным) – человек довольно молодой, гражданин Митилены (крупнейшего полиса на Лесбосе). Он обвиняется в том, что в ходе совместного плавания (из Митилены в Энос на северном берегу Эгейского моря) с неким Геродом, – скорее всего, афинским клерухом в Митилене⁴⁰ – ночью на вынужденной стоянке судна где-то у лесбосских берегов убил этого Герода. Евксифей отрицает свою вину.

Несмотря на то что перед нами опять дело об убийстве, процесс проходит в коллегии гелии по специальной процедуре ареста так называемых «злодеев» (подробнее см. в комментарии к речи). Евксифей на протяжении всей речи настаивает на том, что его дело рассматривается с грубыми процессуальными нарушениями и должно быть передано в Ареопаг.

Исход дела неизвестен. Содержащиеся в речи подспудные политические мотивы заключаются в том, что после митиленского восстания 428–427 гг. до н.э. афиняне негативно относились к митиленянам⁴¹, на чем и пытаются «сыграть» противники Евксифея.

³⁴ Трудное, явно испорченное место. Текст, предлагаемый Блассом–Тальхеймом, слишком далеко отходит от того, что дают рукописи; Жерне держится ближе к рукописному чтению, но из-за этого вариант, стоящий в его издании, дает менее удовлетворительный смысл. Впрочем, в любом случае разночтения не имеют принципиального характера.

³⁵ Не очень согласующееся с предшествующим текстом данной «Тетралогии» место. Кто это «будет обнаружен со временем»? Такое завершение речи скорее подошло бы для обвиняемого в первой «Тетралогии», который настаивает на том, что убийство было совершено не им, а какими-то еще не пойманными грабителями. А тут перед нами совсем иной случай: виновником является если не удалившийся ответчик, то либо сам убитый (как настаивает обвиняемый во второй «Тетралогии»), либо врач, который известен и разыскивать которого поэтому тоже не надо. На первый взгляд, перед нами явная несообразность. Однако подозреваем: не ввел ли сознательно Антифонт в самый конец третьей «Тетралогии» скрытые, завуалированные аллюзии на первые две (если нам действительно удалось корректно их отыскать), дабы подытожить все произведение и подчеркнуть его единство?

³⁶ Schindel 1979, 6.

³⁷ Heitsch 1984, 32.

³⁸ Dover 1950, 44.

³⁹ Antiphon and Andocides 1998, 48: «примерно десятилетие спустя после митиленского восстания 427 г. до н.э.».

⁴⁰ Хотя есть мнение, что Герод был митиленянином, как и Евксифей (Roussel 1932).

⁴¹ См. в связи с этим: Wassermann 1956; 1968; Debnar 2000; Schmitz 2010; Harris 2013.

Некий Гел⁴³, митиленинин, из Афин⁴⁴ отправился морем в Энос вместе с Геродом. В ходе плавания они оказались в Мефимне⁴⁵, что на Лесбосе; поскольку судно их было без крыши, они перешли на другое, на котором крыша имелась. Когда же они на него взойшли, Герод вечером⁴⁶ куда-то отправился и уже не возвратился. А когда вернулся только сам Гел⁴⁷, родственники умершего⁴⁸ подали против Гела обвинение как против злодея⁴⁹. Проводя судебный процесс, они заявили, что он и убил Герода. А Гел оправдывается от возводимого на него обвинения путем указания на неправильный характер возбужденного против него иска: он говорит, что злодеи – это воры и грабители, «а ничего из этого, как доказано, я не совершил». Далее он переходит к защите в связи с убийством и рассуждает в суде на основании предположений. Речь общеизвестна, от начала и до конца.

1. Хотел бы я, граждане⁵⁰, чтобы способность говорить и опытность в делах были у меня такими же, как мое несчастье и обрушившиеся на меня беды! А теперь в делах я опытен далеко не так, как нужно⁵¹, а в словах слишком слаб, чтоб себе помочь. 2. Ведь когда моему телу пришлось пострадать⁵² из-за неподобающего обвинения, – тогда опыт мне нимало не помог. А когда я должен спастись, рассказав истинно, как все было, – в этом мне вредит мое неумение говорить. 3. Ведь уже многие люди из числа неспособных говорить, чьи истинные показания были сочтены не заслуживающими доверия, из-за этого самого погибли, – они не смогли доказать истину. А многие из числа способных говорить, чьи ложные показания сочли заслуживающими доверия, таким образом спаслись – из-за того, что солгали. Итак, с неизбежностью, если кто-то неопытен в судебных тяжбах, он больше зависит от слов обвинителей, чем от самих дел и от истины вещей. 4. Итак, я, граждане, не буду просить у вас выслушать меня, как просят многие тяжущиеся, которые самим себе не верят, а от вас заранее ждут чего-то плохого. Нет, естественно, от добрых мужей и без всякой просьбы можно ожидать выслушивания обвиняемых, как и обвинителей выслушивают, хоть они о том и не просят⁵³. 5. А я вас прошу вот о чем: с одной стороны, если я своим языком совершу какую-нибудь ошибку, проявить ко мне снисхождение и считать, что причина ошибки – неопытность, а не преступность; с другой же стороны, если я скажу что-нибудь верное – приписывать это истине, а не моему красноречию. Ведь несправедливо

⁴² В этом «содержании» грубых ошибок особенно много; они будут оговорены в примечаниях.

⁴³ На самом деле обвиняемого звали Евксифеем. Откуда взялось это странное «Гел» (Ἠλος)? Есть версия (она, например, фигурирует в примечании к данному месту в издании Бласса–Тальхейма), что это получилось вот как. В параграфе 19 присутствует слово ἐλασσωνεῖς («умаленный», в нашем переводе по контексту – «лишенный»), которое кто-то из переписчиков ошибочно принял за Ἠλος σωθεῖς («спасенный Гел»).

⁴⁴ На самом деле из Митилены.

⁴⁵ Не совсем так; вынужденная стоянка была предпринята не в самой Мефимне, а в каком-то прибрежном местечке на ее хоре. Собственно, если бы дело происходило в Мефимне, в городе, вряд ли человек пропал бы без вести; такое могло случиться только в достаточно пустынной местности.

⁴⁶ На самом деле уже поздно ночью.

⁴⁷ Выражение ни в каком отношении не верное. Евксифей («Гел») заявляет, что он никуда не ушел с Геродом, а оставался на судне, и ссылается на алиби. Если же понимать «вернулся» в смысле «вернулся в Митилену», то и это не так, поскольку Евксифей с места происшествия проследовал не туда, а в пункт назначения – Энос.

⁴⁸ То есть Герода.

⁴⁹ О категории «злодеев» (κακοῦργοι) см. в комментарии к тексту самой речи.

⁵⁰ Суд проходит в коллегии гелией.

⁵¹ Традиционная (как и в речи «Против мачехи») ссылка на неопытность говорящего с целью *carpatio benevolentiae*.

⁵² Имеется в виду арест обвиняемого (см. ниже).

⁵³ Тон обвиняемого Евксифея – в целом все же не такой униженно-заискивающий, как у юноши из речи «Против мачехи». Данный клиент Антифонта держит себя в большей степени «на равных» по отношению к присяжным: подчеркивает, что не просит их выслушать его, поскольку это и так их прямой долг, а также постоянно повторяет, что истина, правда – на его стороне.

ни согрешившему на деле спастись благодаря словам, ни правильно поступавшему на деле погибнуть из-за слов. Ибо одно дело – погрешность языка, другое дело – грешный настрой ума⁵⁴. 6. Но неизбежно человек, когда подвергается опасности, в чем-то и ошибется. Ведь необходимо думать не только о том, что говорится, но и о том, что будет: ибо все, что пока еще не ясно, находится скорее во власти случая, чем предвидения. Соответственно, это с неизбежностью приводит в сильный ужас того, кто подвергается опасности. 7. Да я и сам вижу, что даже люди весьма опытные в тяжбах говорят намного хуже самих себя, когда окажутся в какой-нибудь опасности; а когда они делают что-нибудь, не подвергаясь опасности, то выглядят гораздо лучше. Итак, граждане, эта моя просьба и законна, и благородна, и справедлива для вас не меньше, чем для меня; а теперь я буду оправдываться по каждому пункту обвинения.

8. Прежде всего, поскольку я был вовлечен в этот процесс самым беззаконным и насильственным образом⁵⁵, – это-то я вам и покажу: не для того, чтобы избежать суда вашего множества – даже если бы вы были не связаны присягой и каким-либо законом, я бы вверил свою жизнь вашему решению (ведь я, со своей стороны, верю, что я совершенно невиновен в этом деле и что вы раскроете истину). Нет, я покажу это, чтобы у вас были свидетельства насилия и беззакония этих людей⁵⁶, как по отношению ко мне, так и в других делах. 9. Ведь прежде всего я являюсь ответчиком в процессе об убийстве, при этом подвергшись доносу как злодей; но такого еще ни с кем никогда не случалось в этой земле⁵⁷! А в том, что я не злодей и не подпадаю под закон о злодеях, – сами же эти люди мне в том стали свидетелями. Ибо против воров и грабителей направлен этот закон, а они не доказали, что я имею какое-то отношение к ворам или грабителям. Таким образом, они именно сам арест сделали для вас законнейшим и справедливейшим поводом оправдать меня. 10. Опять же, они, со своей стороны, говорят, что убить – это великое злодейство⁵⁸. И я, со своей стороны, с этим согласен: величайшее! Равно как и совершить святотатство или изменить своему государству. Однако о каждой из таких вещей существуют отдельные законы. А мне, во-первых, устроили суд вот здесь, на агоре⁵⁹, хотя другим, являющимся ответчиками в делах об убийстве, именно здесь специальным объявлением запрещают находиться⁶⁰. Далее, они сделали так, чтобы суд определял мне меру наказания⁶¹ (хотя,

⁵⁴ В переводе этой фразы опираемся на конъектуры, предлагаемые Жерне.

⁵⁵ Обычно в случае убийства родственниками жертвы возбуждался (согласно законам Драконта) иск, влекий за собой процесс *δίκη φόρου*. Дело в таком случае разбиралось Арэопагом (если убийство было умышленным). Однако на сей раз обвинители предпочли действовать иным путем, а именно арестовали подозреваемого в совершении преступного деяния Евксифея (по прибытии его в Афины) посредством процедуры *ἀπαγωγή* (о ней см. Hansen 1976), применявшейся против так называемых «злодеев» (*κακοῦροισι*). И обвиняемый предстал перед коллегией гелии. Под категорию «злодеев» действительно попадали некоторые убийцы, а именно те, которые не следовали налагавшимся на них по законам Драконта ограничениям (например, появлялись на агоре). Но в данном случае ничего подобного не было. Соответственно, Антифонт на протяжении всей речи регулярно настаивает на том, что допущено серьезное процедурное нарушение, в результате чего решение суда не может иметь законной силы.

⁵⁶ Обвинителей, родственников убитого (или пропавшего) Герода.

⁵⁷ Таким образом, Евксифей утверждает, что процедура *ἀπαγωγή* применена к нему беспрецедентно.

⁵⁸ Если верить Евксифею, обвинители действительно вводят суд в заблуждение, прибегая к сознательной путанице между юридическим термином *κακοῦρος* (под эту категорию попадали строго определенные типы преступников, и данное дело к ним действительно никакого отношения не имеет) и общим, не-терминологичным словом для обозначения «злодейства» – *κακοῦρημα*.

⁵⁹ То есть в одной из коллегий гелии (помещения, в которых происходила их работа, размещались в основном на агоре или близ нее; см. об этих помещениях: Voegehold et al. 1995, 10 ff., 91 ff.).

⁶⁰ Лицам, обвиненным в совершении убийства, согласно законам Драконта, от вчинения иска и вплоть до суда, который должен был решить их судьбу, запрещалось находиться в местах, которые считались священными, в том числе и на агоре.

⁶¹ Иными словами, добились того, чтобы процесс проходил как *ἀγὼν τιμῆτος*. В таком типе процесса (в отличие от *ἀγὼν ἀτιμῆτος*, в котором мера наказания предусматривалась в законах) дикасты после первого голосования (о виновности или невиновности подсудимого) приступали ко второму

согласно закону, убийца в возмездие сам должен умереть⁶²); но сделали они это не для того, чтобы мне помочь, а в своих собственных интересах⁶³, и притом оказали меньшее почтение умершему, чем того требует закон. А из-за чего они так поступили – это вы узнаете из дальнейшего изложения. 11. А затем – я полагаю, что вы все это знаете, – все суды⁶⁴ разбирают дела об убийствах под открытым небом, и не ради чего иного, как ради того, чтобы, с одной стороны, судьи не входили в одно помещение с теми, у кого руки нечисты, а с другой стороны, чтобы обвинитель в деле об убийстве не оказывался под одной кровлей с убийцей. А ты⁶⁵, с одной стороны, нарушая этот закон⁶⁶, поступил противоположным образом по сравнению с другими. С другой стороны, тебе требовалось⁶⁷ принести величайшую и сильнейшую клятву, призвав погибель на себя, на свой род и на свой дом; ты должен был поклоняться, что будешь обвинять меня не в чем ином, а только в самом убийстве, что я его совершил. Тогда я, даже если бы сделал много зла, был бы осужден не из-за этого, а только по самому предмету рассмотрения⁶⁸; равным образом, если бы я сделал много хорошего, это хорошее меня не спасло бы. 12. Это-то ты и нарушил, сам для себя изобретая законы; и вот, сам обвиняешь меня, не принеся клятвы, и свидетели дают показания против меня, не принеся клятвы, хотя им нужно принести одинаковую с тобой клятву, прикоснуться к жертвам и только после этого свидетельствовать против меня. Кроме того, ты настаиваешь, чтобы судьи разбирали дело об убийстве, поверив свидетелям, не приносившим клятвы, – хотя ты сам, нарушив установленные законы, сделал этих свидетелей не заслуживающими доверия. И опять же, ты считаешь, что судьи должны предпочесть твое беззаконие самим законам! 13. Ты заявляешь, будто я не остался бы в городе, если бы меня отпустили, а спасся бы бегством⁶⁹, – словно ты меня против моей воли принудил прибыть в эту землю. Однако, если для меня не имело никакого значения, что я лишусь этого города⁷⁰, я мог с тем же успехом вообще не явиться, когда был вызван на суд, – и пусть бы меня осудили в мое отсутствие. А в делах об убийствах ответчику позволено после первой речи удалиться, и это правило, общее

этапу суда, в ходе которого назначали наказание осужденному. Это осуществлялось также посредством голосования. Наиболее известный из процессов такого типа – знаменитый суд над Сократом (399 г. до н.э.).

⁶² По законам Драконта за умышленное убийство (в данном случае Евксифей обвиняется именно в таковом) назначалась не смертная казнь как таковая; просто в подобном случае убийца, если он не покидал полис, подлежал кровной мести со стороны родственников жертвы (см. в связи с этими законодательными нормами: Gagarin 1981a). Согласно распространенному мнению, позже эта норма была изменена, однако в нарративной традиции настойчиво утверждается, что законы Драконта на протяжении долгих веков не претерпели никаких перемен (см. хотя бы в этой же речи ниже, V. 14–15). Комментируемое здесь суждение Антифонта, в принципе, допустимо понимать в обоих возможных смыслах (либо убийцу ждет казнь, либо месть).

⁶³ В чем заключались эти «интересы» обвинителей – в дальнейшем так и не разъясняется, вопреки данному обещанию.

⁶⁴ Имеются в виду пять афинских судилищ, ведавших делами об убийствах: Ареопаг, Палладий, Дельфиний, Фреатто и Пританей.

⁶⁵ Обращение к обвинителю.

⁶⁶ В отличие от вышеперечисленных судов, коллегии гелиеи могли заседать и в помещениях с крышей (хотя, например, та постройка, которая находилась на южной стороне агоры и большинством исследователей интерпретируется как главное здание гелиеи, как раз крыши не имела: Voegehold et al. 1995, 99 ff.). Судя по этим словам Евксифея, данное дело слушалось дикастами в каком-то из «покрытых» зданий.

⁶⁷ Если бы процесс шел по нормальной процедуре дел об убийствах.

⁶⁸ В Ареопаге и других судах по убийствам сторонам запрещалось в выступлениях говорить о чем бы то ни было, кроме самого существа дела. Впрочем, даже и там эта норма, случалось, нарушалась, но в обычных дикастериях ею просто откровенно пренебрегали.

⁶⁹ Евксифей, когда его вызвали из родной Митилены в Афины на суд по делу Герода, явился – и тут же был, вопреки его ожиданиям, арестован по вышеупомянутой процедуре *ἀλαούγη* и заключен под стражу.

⁷⁰ То есть Афин.

для всех. Ты же пытаешься частным образом лишить меня того, что является общим для других эллинов, то есть сам для себя придумываешь закон. 14. Однако⁷¹ [я считаю, все согласятся, что законы, имеющиеся относительно таких дел⁷², – самые лучшие и самые благочестивые из всех законов. По крайней мере, они – древнейшие в этой земле; далее, об этих делах всегда оставались одни и те же законы, а это вернейший признак, что законы хорошо составлены. Ведь время и опыт учат людей отвергать то, что не хорошо. Так что не следует вам учиться со слов обвинителя относительно законов – хороши они для вас или нет. Напротив, вы на основании законов должны распознавать слова обвинителей: правильно ли и законно ли они вам разъясняют дело или нет. 15. Такими-то] наилучшими являются законы об убийстве, которые никто никогда не дерзнул изменить. И один только ты⁷³ дерзаешь стать законодателем, изменяя их в худшую сторону; нарушая их, ты стремишься несправедливо погубить меня. Сами эти твои беззакония являются великолепными свидетельствами в мою пользу: ведь ты хорошо знал, что для тебя никто не стал бы свидетельствовать против меня, если бы ему пришлось принести эту клятву. 16. Далее же, ты не возбудил один процесс по этому делу, как человек, непоколебимо верящий в свою правоту; нет, ты поберег для себя еще одно рассмотрение и речь⁷⁴, а значит, ты не доверяешь и этим судьям. Ты устроил так, чтобы мне ничего не оставалось делать, даже если я буду оправдан: ты сможешь говорить, что от обвинения в злодействе-то меня оправдали, а по делу об убийстве – нет! А если ты выиграешь процесс, то, опять же, потребуешь, чтобы меня казнили как осужденного по делу об убийстве. Однако могут ли быть более чудовищные мошенничества? Вы, если один раз убедите судей, добьетесь того, чего хотите, а для меня, даже если я буду один раз оправдан, все-таки останется та же самая опасность. 17. Вот еще что: я, граждане, был заключен в тюрьму самым незаконным образом из всех людей. Ведь, хотя я желал, согласно закону, представить трех поручителей, эти люди так устроили, что мне не было позволено это сделать. А ранее всегда, если кто-нибудь из чужеземцев желал представить поручителей, – никто из них никогда не заключался в тюрьму. Однако должностные лица, ведающие злодеями, используют один и тот же закон – этот самый. Так что и он, будучи общим для всех остальных, только мне одному не смог помочь⁷⁵. 18. Ведь этим людям была от того следующая польза: чтобы я, прежде всего, не мог сам хлопотать о своих делах⁷⁶ и оказался

⁷¹ Далее Жерне исключает довольно большой отрезок речи (заключенный здесь в квадратные скобки), поскольку он находит себе практически полную аналогию в речи VI. В издании Бласса–Тальхейма этот отрезок сохранен.

⁷² То есть относительно дел об убийствах. Эти законы, изданные Драконом в 621 г. до н.э., в античной традиции устойчиво определяются как самые древние в Афинах (хотя, может быть, это и не вполне соответствует действительности; см., например, о законе, который мог быть принят сразу после подавления мятежа Килона в 636 г. до н.э.: Gagarin 1981b).

⁷³ Обращение к главному обвинителю. Строго говоря, в судебных процессах в гелиее официальным обвинителем выступал один человек, подававший исковое заявление (*γραφή* или *δίκη*). Но в реальности весьма часто на стороне обвинения (равно как и на стороне защиты) выступала группа лиц. В таких случаях остальные члены этой группы по отношению к основному считались синегорами (дополнительными ораторами). Поэтому Евксифей обращается к своим противникам то во втором лице единственного числа, то во втором лице множественного.

⁷⁴ Имеется в виду следующее: если обвинитель не выиграет данный процесс в гелиее, у него еще остается возможность возбудить против Герода новый процесс – на сей раз в Ареопаге, по традиционной процедуре *δίκη φόρου*.

⁷⁵ Каким образом обвинители добились того, чтобы обвиняемому отказали в этом послаблении, – не ясно. Вероятно, они настойчиво утверждали, что Евксифей скроется, если не будет арестован, а афинские судебные власти – из неприязни к недавно восстававшей Митилене – сочли возможным с ними согласиться.

⁷⁶ Ясно, что для арестованного и находящегося в тюрьме человека это действительно затруднительно (особенно учитывая, что Евксифей был не афинянином, а гражданином другого полиса, и, соответственно, вряд ли имел в Афинах много близких друзей, которые могли бы принять на себя положенные хлопоты).

неподготовленным; затем, чтобы я претерпел телесные страдания⁷⁷; да чтобы и друзья мои стали более склонны ложно свидетельствовать в их пользу⁷⁸, чем истинно – в мою⁷⁹. Позором окружили и меня самого, и моих близких на всю жизнь!

19. Вот так-то я, во многом лишенный защиты ваших законов и справедливости, вступаю в процесс; однако я, тем не менее, со своей стороны, даже и в таких условиях попробую показать, что невиновен. Хотя, конечно, тяжело тотчас изобличить давние клеветы и злоумышления: ведь чего человек не ожидал, от того он не может остережиться.

20. Я, гражданин⁸⁰, совершал плавание из Митилены, причем плыл на том же судне, что и Герод⁸¹ – тот, который, как они заявляют, погиб от моей руки. А плыли мы в Энос⁸²: я – к отцу (случилось так, что он тогда был там)⁸³, а Герод – чтобы продать рабов неким фракийцам⁸⁴. Плыли с нами и рабы, которых ему предстояло продать, и фракийцы, которые их намеревались выкупить. Свидетелей этого я вам предоставляю.

СВИДЕТЕЛИ⁸⁵

21. Таковы были у каждого из нас причины для плавания. Но случилось, что мы были застигнуты некой бурей и вынуждены из-за нее пристать в каком-то местечке в мегимн-ской области⁸⁶. Там стоял на якоре корабль – тот, после перехода на который и погиб Герод, как заявляют эти люди. И прежде всего обратите внимание на то самое обстоятельство, что рассказанное произошло не по моему замыслу, а случайно⁸⁷. Ибо меня никоим образом не обвиняют, что я убедил того человека⁸⁸ стать моим спутником; нет, он сам, по своей воле, совершал плавание по собственным делам. 22. Опять же, кажется, и я не без подобающей причины совершал плавание в Энос; и причалили мы в этом местечке без всякого предварительного решения, а под влиянием необходимости; и, опять же, когда мы встали на якорь, наш переход на другое судно был вызван не какими-то кознями или хитростями, а тоже необходимостью. Ведь судно, на котором мы плыли, не имело крыши, а то, на которое мы перешли, – имело; из-за дождя и пришлось перейти. Свидетелей этого я вам представляю.

⁷⁷ Имеется в виду тюремное заключение как таковое; каким-то специальным телесным наказанием Евксифей, человек достаточно высокого статуса, естественно, не подвергался.

⁷⁸ Евксифей имеет в виду, что даже друзья могли отвернуться от человека, подвергнувшегося такому позору, как тюремное заключение. Напомним, что в классических Афинах, вообще говоря, попасть в тюрьму было весьма редкой возможностью: лишения свободы как меры наказания не существовало, а до суда обвиняемых тоже, как правило, не изолировали.

⁷⁹ Далее вслед за Жерне исключаем, как ненужные, слова λέγειν, διὰ τὴν τοῦ σώματος κακοπάθειαν.

⁸⁰ Narratio в этой речи более живое и яркое, чем в других произведениях Антифонта.

⁸¹ Герод был либо афинским клерухом в Митиле (таково преобладающее среди исследователей мнение), либо митиленским гражданином, как и Евксифей. Процесс в любом случае проходит в Афинах, – поскольку в Афинской морской державе сложилась именно такая практика: все сколь-нибудь серьезные дела, касавшиеся жителей союзных полисов, разбирались не судами этих полисов, а афинянами в гелисе.

⁸² Греческий город на северном, фракийском побережье Эгейского моря. Чтобы попасть туда из Митилены, нужно было прежде всего обогнуть Лесбос.

⁸³ Из дальнейшего узнаем, что отец Евксифея, будучи именитым митиленским гражданином, тем не менее реально почти постоянно проживал в Эносе.

⁸⁴ Судя по всему, Герод был профессиональным работорговцем. В данном случае он купил каких-то фракийских рабов (вероятно, военнопленных) и вез их на их родину, где их родственники намеревались дать ему за них выкуп.

⁸⁵ Как почти всегда в таких случаях, сами свидетельские показания не сохранились. Они в состав речи не включались, и, когда секретарь по просьбе выступающего зачитывал их, воду в клепсидре, отмеряющей время для речи, останавливали.

⁸⁶ То есть на территории, принадлежащей Мегимне – второму по значению после Митилены полису Лесбоса.

⁸⁷ Здесь в нескольких строках имеет место порча текста. Переводим, опираясь на реконструкции, предлагаемые в издании Жерне.

⁸⁸ Герода.

23. А когда мы перешли на другое судно, мы там пили⁸⁹. И он⁹⁰, как видели, сошел с судна, а снова на него не взошел; а я в ту ночь вообще не сходил с судна. На следующий же день, когда выяснилось, что человек пропал, его искали и другие – но и я ничуть не меньше; и если кому-то из других дело казалось странным – то и мне в той же мере. И именно я предложил послать вестника в Митилену⁹¹, и по моему совету он был послан. 24. Причем никто не хотел отправляться – ни из числа тех, кто был на судне⁹², ни из числа тех, кто плыл с самим Геродом; и я уж был готов послать собственного слугу. Уж точно я не посылал сознательно доносчика против себя самого! А когда пропавший не отыскался ни в Митилене⁹³, ни в каком-либо другом месте, нам предстояло плыть дальше; и все остальные суда отбывали, и я тоже отправился в море⁹⁴. Свидетелей этого я вам предоставляю.

СВИДЕТЕЛИ

25. Вот так все и случилось; а уж из этого вы делаете вывод, что правдоподобно. Ибо, прежде всего, до того, как я отправился в Энос, когда этот человек пропал, никто из людей меня не обвинял, хотя до них⁹⁵ дошла уже весть о пропаже; ведь иначе мне не дали бы уплыть. Нет, в тот момент истина и факты были сильнее их обвинения, а между тем я еще оставался на месте происшествия. А когда и я отплыл, и они злонамеренно составили против меня эти козни, – тогда-то они выступили с обвинением. 26. Но они говорят, будто этот человек погиб на суше: я-де бросил ему в голову камнем, – я, который вообще не сходил с судна! И они это точно знают; но как пропал человек – об этом они не могут сказать ни одного правдоподобного слова. Ведь ясно, что это, вероятно, произошло где-то вблизи гавани: с одной стороны, потому, что человек был пьян, с другой – потому, что он сошел с судна ночью. Во-первых, его уже ноги не держали; во-вторых, не похоже, чтобы у ушедшего ночью была какая-либо причина совершать дальний путь. 27. А этого человека два дня искали и в гавани, и за пределами гавани, но не обнаружили ни очевидца, ни крови и никакой другой улики. И это я еще снисхожу до их доводов, хотя я предоставил свидетелей того, что не сходил с судна⁹⁶. Да даже если бы я и сходил с судна, невероятно, чтобы человека каким-либо образом можно было тайно убить и спрятать, коль скоро он, во всяком случае, не очень далеко отошел от моря. 28. Но обвинители заявляют, что тело было утоплено в море. На каком судне⁹⁷? Ведь ясно, что это судно должно было быть из той самой гавани. Почему же оно не было найдено? И ведь, право же, вероятно, остался бы какой-нибудь след того, что человек ночью был убит на судне⁹⁸ и выброшен. А теперь они говорят, что нашли следы на том судне, на котором он пил и с которого сошел; а ведь сами же они соглашаются, что не на нем погиб этот человек! А что касается судна, на котором он был утоплен, – не нашли ни самого такого судна и никакого следа. Свидетелей этого я вам предоставляю.

⁸⁹ Из некоторых оборотов рассказа приходится заподозрить, что как Герод, так и сам Евксифей были в ту роковую ночь сильно пьяны. Евксифей довольно смутно припоминает происшедшее.

⁹⁰ Герод.

⁹¹ Сушей, что было быстрее.

⁹² Имеется в виду то судно, на котором происходила попойка и с которого ушел Герод.

⁹³ Возникла, разумеется, и версия, что ночью пьяный Герод, не помня себя, пешком ушел домой.

⁹⁴ То есть отплыл в Энос, куда Евксифей, собственно, и направлялся.

⁹⁵ До обвинителей.

⁹⁶ Евксифей здесь фактически представляет свое алиби, но говорит об этом как-то смутно, без акцентировки. Возможно, он сомневается в том, что оправдывающие его свидетельства прозвучат убедительно. Все в большей и большей мере создается впечатление, что в ту злополучную ночь все присутствовавшие были сильно пьяны и потом не могли толком вспомнить, что же произошло.

⁹⁷ Чтобы надежно утопить труп, его нельзя было просто бросить в мелководной гавани, а нужно было вначале вывезти на каком-нибудь корабле в открытое море.

⁹⁸ Здесь издателями нередко делаются поправки, вставки слов. Действительно, никто не утверждал, что Герода убили на каком-либо судне.

29. Когда же меня уже не было – я плыл в Энос, – а в Митилену прибыло судно, на котором мы с Геродом пили, обвинители первым делом, взойдя на это судно, учинили там обыск. И поскольку нашли кровь, заявили, что тут-то и погиб этот человек. А когда у них это не прошло и выяснилось, что это кровь овец⁹⁹, они, отрехшись от своих же слов, начали пытать рабов¹⁰⁰, схватив их. 30. И тот, которого они пытали сразу же, ничего дурного обо мне не сказал. А тот, которого они пытали много дней спустя (хотя они имели его в своем распоряжении и до того), – вот он-то, повинувшись им, и оболгал меня. Я предоставляю вам свидетелей этого.

СВИДЕТЕЛИ

31. То, что этого человека пытали настолько позже, вам было засвидетельствовано¹⁰¹. Но обратите внимание и на саму пытку, как она проходила. Ведь раб, которому они, с одной стороны, пообещали освобождение, – а, с другой стороны, в их власти было прекратить его мучения, – склоненный обоими этими мотивами, оболгал меня: он надеялся, что получит свободу, и хотел быть немедленно избавленным от пытки. 32. Я полагаю, вы знаете: от тех людей, которые осуществляют большую часть пытки, зависит, чтобы подвергающиеся ей говорили такие вещи, которые тем будут угодны. Ведь им от этого польза – и во всех прочих случаях, и особенно тогда, когда отсутствуют оболганные ими люди¹⁰². Ибо если бы я приказывал истязать этого раба как говорящего неправду, уже это самое отвратило бы его от какой-либо клеветы против меня. А тут обвинители сами и пытали, и оценивали сказанное – и добились нужных для себя результатов. 33. Итак, пока раб доверчиво питал надежду на лучшее, он сознательно меня оговаривал и настаивал на своих словах; а когда он узнал, что ему предстоит умереть¹⁰³, – вот тут он уже обратился к истине и говорил, что был склонен этими людьми оклеветать меня. 34. Вначале, под пыткой, он говорил ложь, а потом – правду, но ни то, ни другое ему не помогло: этого человека взяли и убили – обличителя, из веры к которому преследуют меня. Так они совершили противоположное по сравнению с остальными людьми. Ведь остальные дают доносчикам деньги, если те – свободные люди, а если они рабы, то свободу. А эти дали доносчику в дар смерть, хотя мои друзья требовали не убивать этого человека, пока я не прибуду. 35. Итак, ясно, что не сам раб был им нужен, а слова его. Ибо этот человек, если бы он был жив и если бы той же самой пытке его подверг я, стал бы обличителем их козней. А поскольку он мертв, истинного доказательства он меня лишил, погибнув, а из-за его лживых слов я теперь погибаю, как будто они истинны. Пригласи мне свидетелей этого.

СВИДЕТЕЛИ¹⁰⁴

36. Ведь им¹⁰⁵ следовало, как я полагаю, обвинять меня, доставив сюда самого обличителя, и воспользоваться самим процессом как поводом представить налицо этого человека

⁹⁹ Возможно, оставшаяся после какого-нибудь жертвоприношения.

¹⁰⁰ Имеются в виду рабы из числа тех, что были с Геродом (как мы помним, он вез с собой партию рабов). Они были его собственностью и теперь, после его смерти, перешли к его родственникам, которые, таким образом, получили право обращаться с этими рабами по своему усмотрению, в том числе пытать и убивать их.

¹⁰¹ Обвиняемый имеет в виду, что сам этот факт выглядит подозрительным и бросает тень на показания раба; в дальнейшем он, приводя детали, усиливает свою аргументацию.

¹⁰² Евксифей имеет в виду, что его (будущие) обвинители провели пытку раба тогда, когда сам он, (будущий) обвиняемый, находился далеко, в Эносе.

¹⁰³ Вместо того чтобы освободить подвергавшегося пытке раба, как ему было обещано, родственники Герода предпочли убить его. Создается полное впечатление, что обвинители действительно заставили раба дать ложные показания, а после этого устранили его самого, спеша сделать это, пока из Эноса не вернется сам Евксифей, который, несомненно, потребовал бы проведения пытки по процедуре, более согласной с принятыми нормами, – в присутствии обеих сторон.

¹⁰⁴ Это слово отсутствует в рукописях, но совершенно ясно из контекста, что оно выпало по ошибке и должно быть вставлено.

¹⁰⁵ Обвинителям.

и назначить ему пытку, а не убивать. Так вот, каким из его показаний они воспользуются? Тем, которое он дал вначале, или тем, которое потом? И какое из них истинно – то, в котором он говорил, что я это совершил, или то, в котором говорил, что не я¹⁰⁶? 37. Ведь если следует расследовать дело исходя из правдоподобия, последние слова оказываются ближе к истине. Ибо раб лгал ради собственной пользы, а когда из-за лжи ему пришлось погибать, он, сказав правду, считал, что этим спасется. Итак, говоря правду, он не имел никакого заступника: ведь я тогда еще не прибыл – я, которому правда его последних слов была в помощь. А эти его последние слова должны были отменить предыдущие, клеветнические – так, что никогда тем было не стать истиной. 38. И другие люди, против которых кто-нибудь дает обличающие показания, похищают таких обличителей, а потом и устраняют. А эти, возбудив иск и расследуя дело, сами устранили того, кто был у них обличителем против меня! И если бы я устранил этого человека или не захотел бы его им выдать для пытки, или каким-либо другим образом препятствовал бы получению доказательств, обвинители уж точно в максимальной степени воспользовались бы этим в своих интересах, и это было бы для них величайшей уликой против меня. А теперь, коль скоро они сами, вопреки требованиям моих друзей, таким образом ускользнули от проверки показаний, ясно, что это самое обстоятельство служит мне уликой против них, – что не согласно с истиной то обвинение, которое они на меня возводят.

39. Они же говорят еще, будто бы под пыткой тот человек признавался, что и сам участвовал в убийстве. А я заявляю: он этого не говорил, а говорил, что свел меня и Герода с судна и что потом взял его, уже убитого мной, погрузил на судно и утопил¹⁰⁷. 40. Однако посмотрите: вначале, до того как взойти на колесо¹⁰⁸, этот человек до последней возможности придерживался истины и оправдывал меня от обвинения. А когда он вошел на колесо, – тут уж поневоле стал оговаривать меня, желая прекращения пытки. 41. Когда же его перестали пытаться, он больше не говорил, что я совершил что-либо из этих дел. Напротив, напоследок он оплакивал меня и себя как людей, безвинно погибающих. И делал он это не из расположения ко мне – как это было бы возможно? Ведь сам же он меня и оболгал! Нет, делал он это, принуждаемый самой истиной и подтверждая, что истинными были его первые показания. 42. А затем другой человек, плывший на том же самом судне, присутствовавший там все время и сопутствовавший мне, был подвергнут такой же пытке¹⁰⁹. Он признал истинными первые и последние слова того человека¹¹⁰, чем окончательно меня оправдал. А со словами, сказанными тем на колесе – сказанными более из-за насилия, чем ради истины, – с ними он не согласился. Ведь тот раб утверждал, что я сошел с судна, убил Герода, а он-де сам помогал мне нести его, уже мертвого. А этот человек говорил, что я вообще не сошел с судна¹¹¹. 43. Однако правдоподобие у меня в союзниках. Ведь, полагаю, не настолько уж я злосчастен, что замыслил убить человека в одиночку, без какого-либо соучастника – это означало бы подвергаться всяческим опасностям, – а когда дело было уже сделано, взял и приобрел себе свидетелей и советчиков. 44. И, допустим, этот человек

¹⁰⁶ Серия риторических вопросов, ненавязчиво подводящая присяжных к определенному мнению.

¹⁰⁷ Собственно, откуда Евксифею известно, что именно говорил раб под пыткой? Ведь самого его в тот момент в Митилене еще не было. Либо при пытке все-таки присутствовали какие-то его представители, либо он несколько темнит и знает меньше, чем говорит.

¹⁰⁸ Τροχός – пыточное орудие.

¹⁰⁹ Из дальнейшего выясняется, что этот человек был не рабом, а свободным. Этот факт действительно нуждается в объяснении. М. Гагарин комментирует это место так: «Со статусом этого человека есть неясность... В любом случае подвергшийся пытке свободный был, вероятно, митиленинином низкого статуса» (Antiphon and Andocides 1998, 62, Note 28). Мы, со своей стороны, имеем основания высказать более конкретное предположение: человек, о котором идет речь, являлся пелатом. Вопреки распространенному мнению, пелаты, эти зависимые работники, не ушли в прошлое с реформами Солона; еще в классическую эпоху они спорадически встречались в хозяйствах афинских граждан (если не в самой Аттике, то, во всяком случае, в клерухиях, а в Митилене как раз была афинская клерухия).

¹¹⁰ То есть раба, о котором говорилось выше.

¹¹¹ Опять указание защищающегося на имеющееся у него алиби.

погиб таким вот образом, близ моря и судов, как сказано в речи обвинителей; и он, умерщвляемый одним противником, не закричал и никак не подал о себе знака – ни тем, кто находился на суше, ни тем, кто на судне? И, во всяком случае, уж точно звуки гораздо лучше слышны ночью, чем днем, и на берегу, чем в городе¹¹²; а обвинители уж точно говорят, что этот человек сошел с судна, когда люди еще не спали. 45. Далее, хотя он будто бы погиб на суше и был погружен на судно, не обнаружилось ни следов этого, ни крови – ни на суше, ни на судне, при том, что он был и убит ночью, и на судно погружен ночью. Или вам кажется, что человек¹¹³, находясь в подобных обстоятельствах, имеет возможность следы на земле стереть, а следы на судне смыть губкой? Разве, граждане, это правдоподобно? Их и днем-то не смог бы совершенно уничтожить даже человек, владеющий собой и не находящийся в страхе! 46. На это обратите особенное внимание¹¹⁴ и не досажайте на меня, если я укажу вам это многократно. Ведь в большой опасности нахожусь я: если вы правильно расследуете дело, – то я спасусь, если вы обманетесь относительно истины, – то я погибну. И пусть никто не отнимет у вас памяти о том, что эти люди убили доносчика¹¹⁵ и постарались, чтобы он и перед вами не предстал, и мне не достался, когда я прибыл, для допроса и пытки. Именно от них это зависело. 47. А они вот, купив раба, частным образом, в своем кругу его убили – доносчика! Ни город не выносил на то своего постановления, ни человек этот не совершал собственноручно убийства¹¹⁶. Его нужно было, заключив в оковы, сторожить или передать на поруки моим друзьям, или сдать вашим¹¹⁷ властям и вынести решение относительно его. А вы вот сами вынесли человеку смертный приговор и убили его! А это даже никакому городу не позволено – в отсутствие афинян наказывать кого-либо смертью¹¹⁸. И вы просите этих вот людей¹¹⁹, чтобы они стали судьями некоторых слов этого человека¹²⁰, а притом дела его вы сами уже рассудили. 48. Однако даже те рабы, которые убили своих господ и при этом еще были взяты с поличным, – даже они не гибнут от рук самих родственников жертв; нет, их передают властям согласно вашим отеческим законам¹²¹. Ведь раз уж и рабу позволено свидетельствовать против свободного в делах об убийстве, и господину, если он так решит¹²², позволено выступать обвинителем, вступаясь

¹¹² Несколько испорченное в рукописях место; смысл, впрочем, вполне ясен.

¹¹³ Предполагаемый убийца.

¹¹⁴ Здесь следуем чтению Жерне; у Бласса–Тальхейма: «На это следует обратить особенное внимание».

¹¹⁵ Того самого раба, подвергнутого пытке.

¹¹⁶ Здесь, конечно, риторическая уловка. Хозяин раба имел полное право его убить без какой бы то ни было сторонней санкции.

¹¹⁷ Афинским или митиленским. Неясность связана с тем, что говорящий обращается во втором лице множественного числа то к афинским дикастам (так чуть выше), то к обвинителям, прибывшим из Митилены. Впрочем, если Герод и его родственники все же были афинскими клерухами, а не митиленскими гражданами (кажется, это все-таки несколько вероятнее), то под «вашими» властями в любом случае имеются в виду афинские.

¹¹⁸ Судебные процессы между жителями полисов, входивших в Афинскую архэ, действительно, обязательно рассматривались гелиеией в Афинах, если ввиду серьезности дела обвиняемому могла грозить смертная казнь. Однако, напомним еще раз, в данном случае речь идет о рабе, к которому все это относиться не могло.

¹¹⁹ Присяжных.

¹²⁰ Раба, подвергнутого пытке, а затем убитого.

¹²¹ На основании этих слов иной раз делается вывод, что в классических Афинах нельзя было убивать без суда даже рабов. Такой вывод, однако, представляется чрезмерно категоричным, поскольку достаточно велика вероятность, что здесь перед нами риторическое преувеличение, вполне уместное в памятнике судебного красноречия. В любом случае, даже если в самих Афинах и существовала такая норма, это еще не означает, что она распространялась на города Архэ, в том числе на интересующую нас Митилену – полис заведомо менее демократичный, чем Афины. Иными словами, нельзя заключать, что обвинители Евксифея, убив принадлежащего им раба, каким-то образом нарушили законы.

¹²² Характерная оговорка. Ясно, что в реальной жизни вряд ли каждый хозяин раба в случае убийства последнего затевал формальный судебный процесс.

за раба, и приговор может быть вынесен в равной мере убившему раба и убившему свободного, то справедливо было бы, наверное, и этому рабу вынести приговор, а не погибать ему без суда от ваших рук. Так что гораздо справедливее вам было бы попасть под суд¹²³, чем мне теперь [несправедливо]¹²⁴ подвергаться судебному преследованию с вашей стороны.

49. Взвесьте же, граждане, на основании показаний каждого из двух людей, подвергнутых пытке: что справедливо и правдоподобно? Ведь раб дал два показания: то он заявлял, что я совершил это дело, то не говорил ничего подобного. А свободный, подвергнутый такой же пытке, так по сей день ничего дурного и не сказал обо мне. 50. Ведь, с одной стороны, нельзя же было его убедить, как того, другого, – предложив ему освобождение. А с другой стороны, он желал, подвергаясь опасности за истину, претерпеть все, что полагалось, – при том, что и он, во всяком случае, знал свою пользу: его прекратили бы истязать, как только он сказал бы то, что устраивало этих людей. Так кому из двух правдоподобнее верить: тому, кто до конца говорит все время одно и то же, или тому, кто утверждает то одно, то другое? Но и без такой пытки те, кто говорит всегда одно и то же об одних и тех же вещах, заслуживают большего доверия, нежели те, кто сам себе противоречит. 51. Далее же, и сила двух свидетельств раба разделилась поровну. В пользу обвинителей было его признание, в мою пользу – непризнание. [А из двух людей, подвергнутых пытке, один признался, а другой до конца все отрицал]¹²⁵. А когда такие вещи разделяются поровну, – это, конечно, помогает обвиняемому, а не обвинителю, коль скоро уж и голоса, при подсчете разделившиеся поровну, дают победу обвиняемому, а не обвинителю¹²⁶.

52. Пытка, граждане, была такова, что эти люди, доверяя ей, заявляют, – дескать, они твердо знают, что Герод погиб от моей руки. Однако если бы я, со своей стороны, вообще знал за собой что-то дурное и если бы что-либо подобное было мной совершено, я бы устранил обоих свидетелей, так как в моей власти было либо увезти их в Энос вместе с собой, либо отправить их на материк¹²⁷, а не оставлять доносчиков, знающих что-то, что могло быть направлено против меня. 53. Обвинители говорят, что нашли на судне письмо, которое я послал Ликину¹²⁸, – якобы о том, что я убил этого человека¹²⁹. Однако с чего бы это нужно было мне посылать письмо, если сам его доставляющий был моим соучастником? Так что, с одной стороны, сам он вернее рассказал бы о деле, в котором участвовал, с другой стороны, не требовалось и скрывать это от него. Ведь посылают в письменном виде обычно то, чего не может знать доставляющий письмо. 54. Затем же, если предмет рассказа пространен, – вот тогда придумается его записать, чтобы сообщаемому не приходилось запоминать его во всех деталях. А тут сообщалось нечто краткое: что человек мертв. Затем, примите во внимание, что письмо разногласит с рабом, подвергшимся пытке,

¹²³ За убийство раба.

¹²⁴ Это слово Жерне удаляет, возможно, и не без резона.

¹²⁵ В издании Бласса–Тальхейма высказывается мнение, что эту фразу лучше удалить, поскольку она кажется нарушающей логику аргументации. Жерне фразу сохраняет, и, на наш взгляд, с большим основанием.

¹²⁶ Ссылка на известную практику, принятую в афинских судах: если при голосовании судей о приговоре их голоса разделялись поровну (такое редко, но бывало), эта «ничья» засчитывалась в пользу обвиняемого (считалось, что в таких случаях на его чашу весов ложится так называемый «голос Афины»).

¹²⁷ Неясный нюанс, порой дающий повод к недоразумениям. По нашему мнению, он все-таки не дает сделать вывод о том, что два свидетеля были рабом и пелатом Евксифей, а не Герода. Евксифей, судя по всему, имеет в виду только то, что он имел полную возможность укрыть от пытки обоих, если бы имел основание опасаться их показаний. Речь идет о практической, а не правовой возможности: он мог взять их с собой на корабль – и все. Никто не смог бы ему воспрепятствовать, поскольку Герода не было.

¹²⁸ Ранее в речи не упоминался. Судя по контексту, это был знакомый Евксифей и, возможно, его деловой партнер. У Ликина, похоже, была какая-то вражда с Геродом, и теперь обвинители объявляют его организатором убийства, совершенного Евксифеем.

¹²⁹ Герода.

[а раб разногласит с письмецом]¹³⁰. он под пыткой заявил, что сам убил Герода¹³¹, а вскрытое письмо обличало меня как убийцу. 55. Однако чему же следует верить? И ведь вначале-то они не нашли письмо на судне, хоть и искали, а нашли только позже. Ведь сперва они еще не изобрели этой уловки; а когда тот человек, который первым подвергался пытке, ничего не сказал против меня, – вот тогда они подкидывают это письмо на судно, чтобы с его помощью получить возможность взвалить вину на меня¹³². 56. А когда письмо было прочитано и тот раб, которого пытали позже, давал показания, не согласные с письмом, уже не было возможности скрыть прочтенное. Ведь если бы обвинители с самого начала полагали, что они убедят раба оклеветать меня, они же не стали бы придумывать содержание письма. Пригласи мне свидетелей этого.

СВИДЕТЕЛИ

57. Так чего же ради я убил человека? Ведь никакой вражды у нас с ним не было. Они же осмеливаются говорить, что я убил человека в угоду кому-то¹³³. А кто когда-либо совершал такое в угоду другому? Я полагаю, что никто. Нет, великая ненависть должна быть у того, кто намеревается это сделать: ясно, что он издавна замыслил бы подобное злодеяние. Но у меня с Геродом не было никакой вражды. 58. Хорошо, но, может быть, я убил его из страха за себя – как бы самому не претерпеть от него чего-нибудь подобного? Ведь случается, что люди вынужденно совершают такое из подобных мотивов. Но между мною и им ничего подобного не было. Или я собирался, убив его, взять деньги? Но у него не было денег. 59. Нет, это скорее я мог бы по справедливости и по истине предъявить тебе¹³⁴ такое обвинение – что ты из-за денег стремишься меня погубить, – чем ты мне относительно этого человека. И ты с гораздо более справедливым основанием будешь уличен моими близкими в убийстве – в моем убийстве, – чем я буду уличен тобой и родственниками Герода¹³⁵. Ибо я ясно показываю, что у тебя есть умысел против меня, а ты стремишься меня погубить бездоказательной речью.

60. Я говорю вам это, потому что он не может найти у меня самого никакой причины убивать этого человека. Но нужно мне, очевидно, сказать и в защиту Ликина, – а не только в собственную защиту, – что они и его несправедливо обвиняют. Итак, я говорю вам, что у него с Геродом все было точно так же, как и у меня: ни денег бы он ниоткуда не взял, убив

¹³⁰ Слова, заключенные в квадратные скобки, Жерне атетирует как ненужное повторение. Но, возможно, это просто риторический прием.

¹³¹ Вопиющее противоречие с тем, что было сказано выше (Antiph. V. 39): раб под пыткой признался не в убийстве, а только в том, что он помогал убийце Евксифею избавиться от трупа. Предполагать ли здесь какую-либо порчу текста? М. Гагарин комментирует это место так: противоречие «можно объяснить, вероятно, как попытку запутать судей» (Antiphon and Andocides 1998, 63, Note 30). Но подобная уловка выглядит какой-то уж слишком грубой... Довольно замысловатый вариант решения проблемы, не представляющий нам убедительным, см. Carawan 1998, 314 ff.

¹³² Таким образом, Евксифей утверждает, что пресловутая записка – весьма веская улика против него – была попросту подделана обвинителями.

¹³³ Имеется в виду Ликин.

¹³⁴ Опять обращение к обвинителю. Как мы уже неоднократно замечали, адресаты в речи постоянно меняются – ими являются то присяжные, то обвинитель или обвинители, то вновь присяжные (уже в следующем параграфе). Соответственно, обвинитель/обвинители упоминаются то во втором, то в третьем лице. Это, следует полагать, тоже элемент своеобразной речевой стратегии. С его помощью речи придавался оттенок как бы спонтанности, затушевывался тот факт, что в действительности Евксифей озвучивает текст, заранее подготовленный логографом.

¹³⁵ Это противопоставление обращает на себя внимание. Получается, главный обвинитель не являлся родственником Герода? Возможно, последние наняли в Афинах опытного сикофанта для ведения их дела? Тогда, во-первых, становится ясным звучащее чуть выше упоминание о деньгах; во-вторых, становится ясным и то, почему процесс был возбужден в гелиее – вместо подачи правильного иска об убийстве. Ведь в случае последнего обвинять могли только родственники жертвы. Впрочем, вполне возможно и то, что противопоставление – мнимое, кажущееся, и никаких заключений делать на его основе нельзя.

его, ни опасность никакая ему не грозила, которой он мог бы избежать в случае смерти Герода. 61. А вот важнейшее доказательство, что Ликин не желал его убивать. Ведь у него была возможность погубить этого человека посредством судебного процесса, подвергнув его большой опасности, согласно вашим законам, если он за что-то был на него обижен. Так бы он и свое собственное желание удовлетворил, и от вашего города получил благодарность, – если бы изобличил Герода как преступника. Но он не пожелал и не выступил против него. Однако, во всяком случае, тогда опасность была бы для него почетнее...¹³⁶

СВИДЕТЕЛИ

62. Но тогда Ликин простил его. А в том случае, когда ему предстояло подвергаться опасности, касающейся и его самого, и меня¹³⁷, – тогда он будто бы начал злоумышлять. [И это при том, что в случае изобличения он лишил бы меня родины, а себя самого лишил бы доступа к вещам священным и благочестивым и вообще ко всему тому, что людьми особенно, в величайшей степени ценится]¹³⁸. Далее, даже если Ликин всячески желал смерти этому человеку – пройдуся-ка я по речи обвинителей, – но при этом не желал стать собственноручно убийцей, как же это я смог бы согласиться совершить такое дело вместо него? 63. Что же, я был готов рисковать своей жизнью, а он – купить этот мой риск за деньги? Вот уж точно нет. У него не было денег, а у меня были. То есть, опять же, напротив, скорее уж я Ликина убедил бы совершить такое, чем он меня. Ведь так правдоподобнее? Он, просрочив свой долг в семь мин, не выпутался бы, да друзья его спасли. И во всяком случае для вас главным свидетельством моих с Ликином отношений является то, что не настолько я дружил с Ликином, чтобы делать все, что ему захочется. Ведь я, заметьте, не заплатил за него семь мин, хотя он был в оковах и подвергался оскорблениям¹³⁹. А теперь я убил ради него человека, беря на себя такой риск?

64. Итак, что ни я сам, ни он не являемся виновниками случившегося, – это продемонстрировано в меру моих возможностей. Но обвинители в особенности прибегают к тому доводу, что человек¹⁴⁰ исчез, и вы, возможно, желаете услышать об этом самом. Если мне следует высказывать предположения, я это могу делать точно так же, как и вы: ведь ни вы не совершали этого преступления, ни я. А если следует говорить правду, пусть они спросят кого-нибудь из виновников: от него они лучше всего смогут это узнать. 65. Ведь у меня, поскольку я этого не совершал, самый долгий ответ будет таким: я этого не совершал. А совершившему легко будет все объяснить, а если не объяснить, – то сделать верное предположение. Ведь злодеи одновременно и совершают злодейство и подыскивают оправдание для своего преступления. А тому, кто ничего не совершал, трудно делать предположения о вещах неизвестных. Я считаю, что и каждый из вас, если кто-то его спросит о том, чего ему не случилось знать, так и ответит: не знаю. А если вас будут заставлять говорить что-то сверх того, в большом вы окажетесь затруднении, полагаю я. 66. Право же, не вводите меня в такое затруднение, в котором и вам самим пришлось бы нелегко! И даже если я сделаю верное предположение, не считайте, что от этого зависит мое оправдание; хватит с меня и того, чтобы показать собственную невинность в этом деле. Итак, я в нем неповинен, даже если открою, каким образом этот человек исчез или погиб, – именно потому, что никак не относится ко мне его убийство. 67. Я уже, по крайней мере, по слухам знаю, что и прежде случалось, не находили то убитых, то убийц; поэтому нехорошо будет, если тем, кто с ними был, будут предъявлять обвинения. Во всяком случае, уже многие, обвиненные в чужих злодеяниях, погибли раньше, чем относительно них было установлено что-либо ясное.

¹³⁶ Лакуна в тексте, которая в данном случае достаточно досадна: вероятно, в выпавшем фрагменте подробнее говорилось о конфликте между Ликином и Геродом.

¹³⁷ Опасности быть изобличенным в убийстве.

¹³⁸ Место, заключенное в квадратные скобки, Жерне атестирует. Оно и вправду как-то не очень понятно. Ясно, почему Евксифей лишился бы родины: ему пришлось бы бежать, если он не хотел быть казненным по приговору суда. Менее ясно, что имеется в виду применительно к самому Ликину.

¹³⁹ То есть попал в долговую тюрьму за неуплату долга.

¹⁴⁰ Герод.

68. Например, еще и по сей день не найдены те, кто убил Эфиальта¹⁴¹, вашего согражданина. Поэтому если бы кто-нибудь требовал от его сотоварищей предположений, кто были убийцы, а если они таких предположений не сделают, обвинял бы их в убийстве, – нехорошо бы это было¹⁴². Далее, убийцы Эфиальта, во всяком случае, не попытались скрыть труп и таким образом рисковать обнаружить дело, – подобно тому, как я, по словам этих людей, не взял себе сообщника, замыслив убийство, а взял его для скрытия тела. 69. Так, не столь давно мальчик-раб, которому не было и двенадцати лет от роду, решился убить хозяина. И если бы он не был испуган криками того, не бросил бы нож в ране и не убежал бы, а осмелился бы остаться, то погибли бы все находившиеся в доме¹⁴³. Ведь никому бы и в голову не пришло, что мальчишка осмелится такое сделать! А теперь он, когда его самого позже схватили, признал свою вину. Так и те, кто однажды был обвинен в хищении денег – безвинно, как и я сейчас, – а именно ваши эллинотамии¹⁴⁴: все они, кроме одного, погибли по приговору, вынесенному под влиянием гнева, а не разума, но разъяснилось это дело только впоследствии. 70. А этого одного, – говорят, имя его было Сосий – уже приговорили к смерти, но он еще не был казнен. И тут обнаружилось, каким образом пропали деньги, и этот человек, уже переданный коллегии Одиннадцати¹⁴⁵, был отпущен вашим народом, остальные же погибли, будучи ни в чем не виновными. 71. Я думаю, старшие из вас сами это помнят, а младшие знают по рассказам, как я. Таким образом, хорошо расследовать дела по истечении некоторого времени. И, возможно, позже станет известным, при каких обстоятельствах¹⁴⁶ погиб этот человек¹⁴⁷. Пусть не будет так, что позже вы это узнаете, а перед тем меня погубите, хотя я невиновен! Нет, с самого начала вынесите правильное решение, не под влиянием гнева и клеветы, ибо не может быть худших советчиков, чем эти две вещи¹⁴⁸. 72. Ведь не бывает так, чтобы гневающийся человек что-либо правильно решил. Ибо гнев портит у человека именно то, чем он решает, – разум. Конечно, великое дело, граждане, – день, сменяющий другой день: он ставит разум на место гнева и помогает распознать истину дел. 73. Будьте уверены, что я более заслуживаю вашей жалости, чем наказания. Ведь наказание нести подобает преступникам, а жалеют тех, кто несправедливо подвергается опасности. Во всяком случае, ваша возможность справедливо спасти меня должна оказаться сильнее, чем желание моих врагов несправедливо меня погубить. Если вы сдержитесь, в вашей власти еще будет совершить то страшное, на чем настаивают эти люди¹⁴⁹, но если вы поступите торопливо, у вас уже совершенно не будет возможности принять верное решение.

¹⁴¹ Это известный афинский политический деятель, который в 462–461 гг. до н.э. провел реформу Ареопага, а вскоре после этого был убит при невыясненных обстоятельствах (см. к проблеме его смерти: Stockton 1982; Roller 1989). Таким образом, Евксифей (точнее, разумеется, Антифонт его устами) демонстрирует неплохое знание истории Афин.

¹⁴² При переводе этой фразы опираемся на эмэндации, сделанные Жерне.

¹⁴³ Имеется в виду следующее: если бы мальчик не показал сам своим бегством, что является убийцей, а сохранял спокойствие, так и осталось бы неизвестным, кто именно из рабов совершил преступление. В таких случаях полагалось казнить всех домашних рабов.

¹⁴⁴ Коллегия эллинотамиев ведала казной Афинского морского союза. О рассказываемом здесь эпизоде из других источников неизвестно и точной датировке он не поддается. Судя по намеку чуть ниже (V. 71), он имел место, вероятно, в 450-х или 440-х гг. до н.э.

¹⁴⁵ В компетенцию коллегии Одиннадцати входило приведение в исполнение смертных приговоров суда.

¹⁴⁶ При переводе опираемся на чтение Жерне.

¹⁴⁷ Герод.

¹⁴⁸ Проявляющийся в этой части дискурс (обвиняемый настаивает на соблюдении презумпции невиновности, указывает на возможность судебных ошибок) выглядит весьма созвучным нашим современным воззрениям. Следует отметить, что Антифонт как представитель политико-правовой мысли опередил свое время. Это четко видно, например, из сохранившихся фрагментов его теоретических трудов «Об истине» и «О согласии».

¹⁴⁹ То есть если Евксифей будет оправдан в данном процессе в гелиее, то его все-таки впоследствии еще можно будет осудить в ходе нового процесса в Ареопаге. Правда, судьями там будут другие лица, но обвиняемый сейчас не акцентирует на этом внимание (поскольку это не в его интересах), объединяя дикастов и ареопагитов в общем понятии «афинские граждане» («вы» здесь – именно в последнем смысле).

74. Но мне следует сказать и в защиту отца. Хотя, конечно, гораздо более подобало бы, чтобы он говорил в мою защиту, поскольку он – отец. Ведь он намного старше моих дел, а я намного моложе того, что им было сделано¹⁵⁰. И если бы я в нашей тяжбе засвидетельствовал против обвинителя что-либо, что я знаю не точно, а лишь по слухам, то он сказал бы, что я творю против него нечто невиданное. 75. А в то же время он, принуждая меня оправдываться относительно тех дел, о которых я, будучи намного моложе, знаю только с чужих слов, не считает, что тем самым творит нечто невиданное! Но все же, конечно, я – в той степени, в какой я это дело знаю, – не допущу, чтобы перед вами несправедливо злословили моего отца¹⁵¹. Хотя я, пожалуй, могу ошибиться, неправильными словами передав вам его правильные дела, – но все-таки нужно рискнуть. 76. Ведь прежде чем случилось отпадение митилеян¹⁵², отец делом показывал свою приверженность вам¹⁵³. Когда же весь город, отпав, принял дурное, ошибочное решение¹⁵⁴, поневоле со всем городом провинился и мой отец. Итак, мыслями своими он даже и при таких обстоятельствах все равно был за вас, но уже не мог в этой ситуации проявлять ту же приверженность к вам. Ибо у него не было возможности легко покинуть город: ведь многое его там удерживало – и дети, и имущество¹⁵⁵. А с другой стороны, оставаясь в городе, не под силу ему было отстаивать свое мнение. 77. Когда же вы наказали виновников этих дел, – в числе которых моего отца не оказалось, – а остальным митилеянам даровали прощение, чтобы они могли спокойно жить в своем городе, то после этого не было ничего, в чем бы он [мой отец]¹⁵⁶ провинился или в чем он поступил бы не как должно. Не уклонялся он ни от какой литургии, которую возлагал на него город – будь то ваш¹⁵⁷ или Митилена¹⁵⁸; нет, он и хорегии¹⁵⁹ исполнял, и налоги платит. 78. А если он предпочитает

¹⁵⁰ Какие «дела» отца обвиняемого имеются в виду, – становится ясно из дальнейшего изложения.

¹⁵¹ В речах перед судом присяжных довольно распространенной практикой было, отклонившись от непосредственной аргументации по делу, начать очернять личность противника и его родственников. Как видим, и в данном случае обвинители прибегли к такой тактике.

¹⁵² Восстание Митилены, одного из сильнейших членов Архэ, против афинского владычества имело место в начале Пелопоннесской войны, в 428–427 гг. до н.э. Город был осажден и в конце концов взят афинским флотом. В наказание за мятеж афиняне вначале хотели (по инициативе Клеона) применить к Митилене самые жесткие меры: всех взрослых мужчин казнить, женщин и детей продать в рабство. Потом они изменили решение на более мягкое, ограничившись казнью зачинщиков и активных участников восстания, но митиленский полис был подвергнут достаточно суровым санкциям. К тому же ясно, что после этого в среде афинского демоса имело место озлобление на митилеян, чем в данном процессе активно пользуется обвинение. Самого Евксифея в данном отношении упрекнуть было не в чем: в момент восстания он был несовершеннолетним и участия в нем принимать не мог. Соответственно, противники атакуют его отца, и Евксифей вынужден за него оправдываться.

¹⁵³ Имеются в виду афиняне в целом.

¹⁵⁴ Испорченное место. Переводим, руководствуясь некоей комбинацией лучших чтений.

¹⁵⁵ Очевидно, все было не так гладко, как тут рисует Евксифей. Почему-то впоследствии ничто не помешало его отцу перебраться на фактическое жительство из Митилены в Энос. Похоже, на самом деле он все же сочувствовал восстанию (хотя и не принимал в нем активного участия, иначе был бы впоследствии казнен).

¹⁵⁶ Слова, заключенные в квадратные скобки, исключаются из аутентичного текста как в издании Бласса–Тальхейма, так и в издании Жерне. Похоже, что издатели правы.

¹⁵⁷ Интересное свидетельство, которое вроде бы позволяет сделать вывод, что в V в. до н.э. афиняне могли привлекать к исполнению литургий в своем полисе не только собственных граждан, но и богачей из союзных городов. Вопрос нуждается в дополнительном исследовании.

¹⁵⁸ О литургиях в союзных Афинам полисах (в отличие от собственно афинских литургий) известно крайне мало.

¹⁵⁹ Хорегия – одна из самых часто встречающихся литургий; в ходе ее выполнения литург должен был набрать и подготовить хор для какого-либо музыкального представления. Больше о хорегии мы, естественно, узнаем из следующей речи Антифонта – «О хоревете».

жить в Эносе, — то этим, конечно, он ни в чем не лишает¹⁶⁰ наш город своей поддержки. Он не стал и гражданином какого-нибудь иного города наподобие других, которые, как я вижу, отправляются на материк, живут там среди ваших врагов и вчиняют¹⁶¹ вам иски на основании договоров¹⁶². Мой отец и не избегает суда вашего народа, а просто, как и вы, ненавидит сикофантов. 79. Несправедливо, чтобы мой отец один нес наказание за то, что он совершил вместе со всем городом, причем в большей степени по принуждению, а не намеренно. Ведь тогдашнее преступление стало для всех митиленян навеки памятным: ибо они этим променяли большое счастье на большое несчастье и увидели, как их родина была разорена. А тем личным обвинениям, которые обвинители клеветнически возводят на моего отца, не верьте: ведь все их интриги против меня и него — из-за денег. И многое способствует тем, кто хочет пожить чужим: отец мой слишком стар, чтобы помочь мне, а сам я слишком молод, чтобы суметь надлежащим образом постоять за себя. 80. Но помогите мне вы, и не учите сикофантов иметь большую силу, чем вы сами! Ведь если они, входя к вам, будут делать что хотят, то урок будет заключаться в том, что нужно им угождать, а вашего суда избегать. А если они, входя к вам, будут считаться негодьями, которым ничего не положено, то честь и сила будут вашими, как и подобает по справедливости¹⁶³. Так помогите и мне, и справедливости.

81. Итак, вы выслушали те из человеческих доказательств и свидетельств, которые можно было предъявить. Но следует при вынесении приговора не в последнюю очередь руководствоваться и относящимися к этим делам знамениями богов¹⁶⁴. Ведь вы в наибольшей степени полагаетесь на них, когда успешно занимаетесь общими делами города, — как такими, которые связаны с опасностями, так и такими, которые с опасностями не связаны. 82. Так следует считать, что эти знамения также и применительно к частным делам — самые важные и самые верные. Ведь, я полагаю, вы знаете, что уже много раз люди с нечистыми руками или с каким-нибудь иным лежащим на них осквернением, взойдя с другими на судно, губили не только собственную душу, но вместе с ней — и тех, кто был чист по отношению к богам¹⁶⁵. А случалось, что другие хоть и не гибли, но подвергались крайней опасности из-за таких людей. Случалось и так, что многие, начав совершать жертвоприношение, оказывались не чистыми и тем самым препятствовали тому, чтобы жертвоприношение было совершено должным образом. 83. Однако со мной во всем этом дело обстояло противоположным образом. Во-первых, я плыл вместе со столькими людьми, и плавание прошло великолепно; во-вторых, когда я участвовал в жертвоприношениях, не было такого

¹⁶⁰ Тут в издании Бласса–Тальхейма добавлено *ποιεῖ* перед причастной конструкцией. С формальной точки зрения это правомерно. Но трудно ожидать, чтобы логограф составлял для клиента речь абсолютно правильную в смысле согласия со всеми нормами грамматики. Такая речь произвела бы на дикастов неприятное впечатление, показалась бы искусственной. Поэтому следуем Жерне, который сохраняет имеющую место небольшую неправильность.

¹⁶¹ Тут опять руководствуемся чтением Жерне.

¹⁶² Какой-то неясный намек, который, несомненно, был понятен слушателям речи, но для нас уже не расшифровывается.

¹⁶³ Традиционный для судебных речей выпад против сикофантов.

¹⁶⁴ Далее следуют аргументы религиозного характера. Антифонт вообще ими достаточно активно пользуется — как в судебных речах, так и (в особенной степени) в «Тетралогиях». Здесь, конечно, имеет место учет менталитета дикастов. Эти последние для эпохи Антифонта — как раз те люди, которых столь красочно описал в «Осах» Аристофан, современник нашего оратора. Типичный афинский дикаст второй половины V в. до н.э. — это небогатый пожилой афинянин. Специалистом в правовых вопросах он не является, да и в целом его интеллектуальный уровень не слишком высок; зато он, как правило, консервативен и набожен. Поэтому обращаться к нему с юридическими или логическими аргументами почти бесполезно, а вот эмоциональная апелляция к религиозным ценностям будет им охотно воспринята.

¹⁶⁵ Наиболее важное место в пассажах Антифонта, связанных с религией, занимает именно идея «скверны», ритуальной нечистоты. С ней сопряжена идея коллективной ответственности, которая, как видим, здесь тоже проявляется.

случая, когда жертвоприношения не совершались бы самым лучшим образом. Я считаю, что это для меня – веские доказательства относительно моей вины: они обвиняют меня ложно¹⁶⁶... Свидетели этого.

СВИДЕТЕЛИ

84. Знаю я и то, граждане судьи, что если бы свидетели давали показания против меня, – дескать, в мое присутствие на судне или при жертвоприношениях произошло что-то нечестивое, – то обвинители воспользовались бы этими самыми показаниями как весьма весомыми и объявили бы, что знамения, идущие от богов, – самое верное доказательство моей виновности. А теперь, когда и знамения противоречат их словам, и свидетели подтверждают, что сообщаемое мной истинно, а их обвинения лживы, – они заставляют вас не верить свидетелям и при этом заявляют, что вам следует верить тому, что говорят они сами! Причем остальные люди проверяют слова делами, а эти стремятся с помощью слов представить дела не заслуживающими доверия.

85. Итак, граждане, я оправдался в том, что запомнил из обвинений; полагаю, что и вами¹⁶⁷ я буду оправдан. Ведь одно и то же спасет меня и для вас станет законным и соответствующим вашей клятве. Ибо вы поклялись судить согласно законам; а я, по законам, не подлежу тому суду, на который меня привели, и в вашей власти назначить мне законный суд по тому обвинению, которое мне предъявлено¹⁶⁸. А если из одного процесса были созданы два¹⁶⁹, – не я тому виной, а обвинители. Однако, нужно полагать, не выйдет так, что враждебнейшие мне люди затеяли против меня две тяжбы, а вы – справедливые судьи дел, относящихся к законности, – заведомо осудите меня за убийство уже в этом, первом процессе! 86. Не делайте же этого, граждане! Лучше дайте пройти некоторому времени: с его помощью те, кто хочет расследовать дела в точности, находят самые правильные решения. Ведь я-то считал, граждане, что в таких случаях процесс должен идти согласно законам, а согласно справедливости нужно все проверять как можно чаще. Таким способом дело было бы лучше понято: ведь неоднократные суды – истине союзники, а клевете злейшие враги. 87¹⁷⁰. [Ведь дело об убийстве, даже неправильно решенное, сильнее справедливости и истины: ибо, если вы меня осудите, я неизбежно – хоть я не убийца и не причастен к делу – подпадаю под нормы права и под закон. И никто не дерзнет не подчиниться уже принятому по делу решению, хотя он и уверен в своей невиновности; равным образом и тот, кто знает о себе, что он совершил это преступление, не дерзнет пренебречь законом. Нет, необходимо покориться приговору даже вопреки истине и тем более покориться самой истине – в любом случае и особенно тогда, когда нет мстителя за содеянное. 88. Из-за этого самого и законы, и клятвы, и скрепляющие их жертвоприношения, и публичные объявления, и все тому подобное бывает в процессах об убийствах сильно отличающимся от того, что принято в других процессах, потому что и сами дела, из-за которых люди подвергаются опасности, необходимо расследовать особенно тщательно. Ведь если такое дело решено правильно, это является мстью за пострадавшего, а если невиновного человека осуждают

¹⁶⁶ Далее небольшая лакуна. В издании Бласса–Тальхейма она восполняется так: «И поднимитесь ко мне». Нельзя, конечно, поручиться, что выпали в точности эти слова, но общий смысл сказанного должен был быть именно таким.

¹⁶⁷ В издании Бласса–Тальхейма после этих слов постулируется лакуна, в издании Жерне – нет. Мы также считаем, что тут скорее нет пропуска слов, а если и есть, – он так незначителен по размеру, что смысл сказанного никак не искажается и вполне понятен.

¹⁶⁸ Это, конечно, не означает, что гелиасты могли своим распоряжением перенести слушание дела в Ареопаг. Такой процедуры, насколько известно, аттическое судопроизводство не предусматривало. Коль скоро уж дело было принято к рассмотрению данным судебным органом, то это рассмотрение должно было завершиться вынесением приговора. Евксифей (Антифонт) здесь просто в завуалированной форме просит о том, чтобы приговор был оправдательным.

¹⁶⁹ То есть обвинители, возбуждая один процесс, зарезервировали для себя возможность и для второго, по иной процедуре.

¹⁷⁰ Параграфы 87–89 Жерне считает неаутентичной вставкой в речь. Причина в том, что пассаж отчасти совпадает с одним местом из речи «О хоревете».

как убийцу, – это преступление и кощунство по отношению и к богам, и к законам. 89. И ведь не одно и то же – обвинителю несправедливо обвинить и вас, судьям, вынести несправедливый приговор! Ибо обвинение этих людей еще не имеет конечной силы, а в ваших руках находится судьба дела. И если вы в этом процессе что-то решите несправедливо, – нет такого места, где можно было бы опротестовать ошибку и тем самым оправдаться¹⁷¹. 90. Итак, как вы можете принять верное решение относительно этих вещей? Вот как: если вы позволите и этим людям, принеся положенную клятву, обвинять меня, и мне – говорить в свою защиту по самому делу¹⁷². А каким образом вы это позволите? Если именно сейчас оправдаете меня. Ведь тем самым я еще не избегаю вашего приговора; нет, вы же¹⁷³ будете и в следующий раз голосовать обо мне. И если вы теперь надо мной сжалитесь, то тогда у вас будет возможность поступить так, как пожелаете; а если вы меня погубите, нельзя уже будет принять какое-нибудь решение обо мне. 91. И право, если уж необходимо в чем-то ошибиться, то более благочестиво будет несправедливо освободить, нежели не по справедливости погубить. Ведь первое – только ошибка, а второе – еще и нечестие. На это и нужно обращать особенное внимание, если можно совершить неисправимое дело. Ибо в деле исправимом меньше значит ошибка даже для тех, кто поддался гневу и поверил клевете: ведь можно еще, передумав, принять правильное решение¹⁷⁴. А вот в делах неисправимых только хуже передумывать и решать, если уж совершена ошибка. Случалось уже некоторым из вас раскаиваться после того, как они погубили людей. Однако раз уж вам случалось раскаиваться из-за того, что вас обманули, уж точно, во всяком случае, следовало, разумеется, обязательно погибнуть тем, кто вас обманывал, конечно¹⁷⁵! 92. Далее же, невольные проступки заслуживают снисхождения, а добровольные – не заслуживают. Ведь невольный проступок, граждане, зависит от случая, а добровольный – от намерения. Какой же проступок может быть более добровольным, чем тот, когда кто-нибудь, задумав нечто, немедленно это совершает? И право, совершенно одинаково поступает тот, кто несправедливо убивает рукой, и тот, – кто камешком для голосования¹⁷⁶. 93. А вы будьте уверены, что я ни за что не прибыл бы в этот город¹⁷⁷, если бы знал за собой что-либо подобное. Но теперь вот прибыл, веря в справедливость, – ничто более нее не достойно помочь человеку, не знающему за собой никакого нехорошего поступка и никакого нечестия по отношению к богам. Ведь в таких обстоятельствах уже и душа спасла вместе с собой измученное тело, желая страдать за то, что она ничего дурного за собой не знает. А тому, кто за собой что-то знает, это самое и является первым врагом: тело еще держится, а душа его предаёт, считая, что это ей в наказание за нечестие. А я, ничего такого за собой не зная, прибыл к вам. 94. А в том, что обвинители клеветают, нет ничего удивительного. Такое уж их дело, а ваше дело – не верить тому, что не согласно со справедливостью. С одной стороны, если вы послушаете меня, у вас будет возможность изменить свое решение и в другой раз наказать негодяя, совершившего это¹⁷⁸; а если вы их послушаете, не будет уже средства исправить то, что они предлагают совершить. И немного времени вам потребуется, чтобы законно свершить то, относительно чего ныне обвинители убеждают вас проголосовать противозаконно. Во всяком случае, это дела не для спешащих, а для принимающих продуманные

¹⁷¹ Как известно, приговоры коллегий гелиеи были окончательными, пересмотру не подлежащими; никакие апелляции, кассации и т.п. в связи с ними не допускались.

¹⁷² Обвиняемый в очередной раз прозрачно намекает, что должен быть проведен правильный процесс δίκη φόρου в Ареопаге.

¹⁷³ Опять смешение дикастов с ареопагитами – прием, к которому Антифонт уже обращался выше в этой же речи.

¹⁷⁴ Возможно, тут в числе прочего и неявная аллюзия на то, как в 427 г. до н.э. афинское народное собрание вначале вынесло максимально жесткое решение о восставших митиленянах, а буквально на следующий день пересмотрело его в сторону смягчения.

¹⁷⁵ В этой фразе – экстраординарное обилие эмфатических частиц, что мы и попытались посылно отразить в переводе.

¹⁷⁶ То есть вынеся смертный приговор.

¹⁷⁷ В Афины (из Митилены).

¹⁷⁸ То есть истинного убийцу Герода, если он отыщется.

решения. Итак, станьте теперь защитниками справедливости, а тогда, в другой раз, – судьями¹⁷⁹; теперь предполагайте, а тогда судите по правде. 95. Уж точно очень легко представить ложные свидетельства против человека, являющегося ответчиком в процессе, где речь идет о смерти. Ведь если только они тотчас вас убедят меня казнить, вместе с моей жизнью будет потеряна и возможность отомстить. Ибо и друзья уже не захотят мстить за погибшего; а если и пожелают – чем лучше от этого будет тому, кто уже мертв? 96. Поэтому теперь оправдайте меня! А в процессе по поводу убийства эти люди, принеся положенную клятву, будут меня обвинять, и вы вынесете мне приговор согласно наличным законам. И тогда уж, если мне придется что-то претерпеть¹⁸⁰, у меня не будет повода говорить, что я гибну вопреки законам. Об этом-то я и молю вас, не пренебрегая вашим благочестием, но и себя не лишая справедливости: ведь в вашей присяге и мое спасение содержится. Примите во внимание то из сказанного, что вам угодно, и оправдайте меня.

Литература

1. Antiphon and Andocides 1998: Antiphon & Andocides / Translated by M. Gagarin and D.M. MacDowell. Austin.
2. Boegehold A.L. et al. 1995: The Lawcourts at Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure, and Testimonia (The Athenian Agora. Vol. 28). Princeton.
3. Bonner R.J., Smith G. 1938: The Administration of Justice from Homer to Aristotle. Vol. 2. Chicago.
4. Carawan E. 1998: Rhetoric and the Law of Draco. Oxf.
5. Debnar P.A. 2000: Diodotus' Paradox and the Mytilene Debate (Thucydides 3.37–49) // *Rheinisches Museum für Philologie*. 143. 2, 161–178.
6. Dover K.J. 1950: The Chronology of Antiphon's Speeches // *CQ*. 44. 1/2, 44–60.
7. Gagarin M. 1981a: Drakon and Early Athenian Homicide Law. New Haven.
8. Gagarin M. 1981b: The Thesmothetai and the Earliest Athenian Tyranny Law // *TAPhA*. 111, 71–77.
9. Gagarin M. 2002: Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists. Austin.
10. Hansen M.H. 1976: Apagoge, Endeixis and Ephegesis against Kakourgoi, Atimoi and Pheugontes: A Study in the Athenian Administration of Justice in the Fourth Century B.C. Odense.
11. Heitsch E. 1984: Antiphon aus Rhamnus. Wiesbaden.
12. Roller D.W. 1989: Who Murdered Ephialtes? // *Historia*. 38. 3, 257–266.
13. Roussel P. 1932: Remarques sur un discours d'Antiphon (Περὶ τοῦ Ἡρόδου φόνου) // *Mélanges Gustave Glotz* / F.E. Adcock et al. (eds.). T. 2. P., 813–822.
14. Schindel U. 1979: Der Mordfall Herodes. Zur 5. Rede Antiphons. Göttingen.
15. Schmitz T. 2010: The Mytilene Debate in Thucydides // *Stimmen der Geschichte: Funktionen von Reden in der antiken Historiographie* / D. Pausch (Hrsg.). B.–N.Y., 45–65.
16. Stockton D. 1982: The Death of Ephialtes // *CQ*. 32. 1, 227–228.
17. Wassermann F.M. 1956: Post-Periclean Democracy in Action: The Mytilenean Debate (Thuc. III 37–48) // *TAPhA*. 87, 27–41.

(Окончание следует)

¹⁷⁹ После слов «судьями» Жерне удаляет слово «свидетелей» и, на наш взгляд, оправданно: все-таки судьи судят подсудимого, а не свидетелей. Впрочем, понимание и перевод этой фразы в целом представляют определенные трудности.

¹⁸⁰ Очень часто встречавшийся в речи афинян (и греков в целом) эвфемизм, обозначавший, разумеется, смерть.